

ВАСИЛИЙ ВЕДЕНЕЕВ

ИГРА
БЕЗ ПРАВИЛ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Василий Веденеев

Игра без правил

«Центрполиграф»

1996

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Веденеев В. В.

Игра без правил / В. В. Веденеев — «Центрполиграф», 1996

ISBN 978-5-227-06729-6

Автор многочисленных популярных детективов Василий Веденеев значительную часть жизни проработал в МУРе. В центре настоящего его криминального романа – беспощадная, коварная борьба московских мафий. Черное порождение перестройки – «драконы», подобно оказавшимся в одной банке тарантулам, впиваются друг в друга. Яд и кинжал, пистолет и взрывчатка – вот подручные средства главных персонажей повествования. А жертвы их кровавых деяний закатаны в толщу асфальта, замурованы в бетонные балки, зарыты в полях бескрайней державы...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-06729-6

© Веденеев В. В., 1996

© Центрполиграф, 1996

Содержание

Игра без правил	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Василий Владимирович Веденеев

Игра без правил

Роман

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© В. В. Веденеев, наследники, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Игра без правил

Часть первая Правила игры

Глава 1

Вечер унес дневную жару, ни один лист на деревьях не шелохнется под ветерком, гудит буксир на скрытой домами Москве-реке, толкая огромную баржу с песком или строительным лесом, пряно пахнут незнакомые цветы на газонах, а в воздухе словно разлита синева – фонари еще не зажгли.

Миновав дворы, Аркадий Лыков вышел к какому-то садику с беседкой из тонких, увитых плющом реек. Внутри беседки светляками вспыхивали огоньки сигарет и слышался смех. «Молодежь собралась, – заметив короткие стрижки и модные куртки, понял Лыков. – Ну их к бесу, этих молодых».

Прибавив шагу, он свернул по дорожке садика в сторону, но тут его неожиданно окликнули:

– Эй, куда спешишь?

Оглянувшись, Лыков увидел двух девчонок лет по шестнадцать – в курточках и брюках, с короткими стрижками, они вели на поводках больших овчарок.

– Чего надо? – останавливаясь, нелюбезно буркнул Аркадий. Носит тут всяких малявок с собаками, заблудились, что ли?

– Сердитый, – нехорошо засмеялась одна из девчонок.

– Невежливый, – согласилась с ней вторая и, положив пальцы в рот, засвистела.

Лыков стоял, наблюдая за ними с ироничной усмешкой, – тоже мне королевы. Но чего им надо от него, случайного и незнакомого прохожего?

Из беседки высыпала куча юнцов, двое или трое также держали собак на поводках. В мгновение ока Аркадий оказался окруженным злыми собачьими мордами и радостно гоготавшей молодежью.

– Ну, ну! Дайте пройти! – Он попытался вырваться из круга, но одна из овчарок злобно оскалила клыки и угрожающе зарычала. Лыков попытался загородиться от нее своим кейсом, что вызвало новый приступ истерического веселья.

– Не то закрыл, – хохотал кто-то из парней, – ниже опусти!

– Тут наше место, – заявила высокая прыщавая девица в очках, державшая на поводке немецкого бульдога с бешено выпученными глазами. – Чего ты здесь вынюхиваешь?

– Я иду к метро, – беспомощно оглядываясь по сторонам и уже поняв, что влип в дурную историю, промямлил Аркадий. Боже, если бы у него был пистолет, он показал бы этим прыщавым придуркам, где раки зимуют! Или если бы владел карате, на худой конец, рукопашным боем. Бежать надо было сразу, а не рот разевать в пустом и темном скверике. Черт их знает, чего на уме у окруживших его юнцов?

– Он был невежлив с нами, – сказала одна из остановивших его девчонок.

– Таких надо учить, – сурово изрекла очкастая под одобрительный шум остальных. – Распустились! Будешь просить прощения, понял? – обратилась она к Аркадию.

Тот кивнул – шут с ними, язык не отвалится, можно и попросить, пока собаками не начали травить, с них станется. Место глухое, ждать помощи от прохожих нечего, а юнцы хме-

леют от собственной безнаказанности и вседозволенности. И ведь потом никого из них не узнаешь, поскольку темно, да и отопрутся они от всего – не было ничего, и все.

– Извините, – сказал Лыков. – Я осознал. Могу идти?

– Не так, – усмехнулась очкастая. – Вставай на колени и целуй туфли тех, с кем был невежлив. Ну!

– Еще чего? – набычился Лыков. Слабаком он не был и, если бы не собаки, показал очкастой дорогу в рай. И не только ей. Но собаки! Однако становиться на колени ему не хотелось.

– Считаю до трех, – прошипела остановившая его девчонка в серой куртке, а собачьи морды с оскаленными клыками придвинулись ближе. – Раз... Два...

«Собаки без намордников, точно порвут, – мелькнуло у Аркадия в голове, и он почувствовал себя жалким и слабым. – Рискнуть?»

– А-а-а! – дико заорал Лыков, размахивая кейсом, и, зажмурив глаза, рванул на прорыв через кольцо обступивших его парней и девчонок.

Не ожидавшие такого, они невольно расступились, и Аркадий побежал, не разбирая дороги и слыша, как свистит ветер в ушах да улюлюкают ему вслед дети почтенных родителей.

«Только бы не спустили собаку», – думал Лыков, боясь оглянуться.

Через несколько секунд он вылетел на оживленную улицу и перешел на шаг, тяжело отдуваясь и вытирая выступивший на лбу пот, – неизвестно, чем могло закончиться приключение, если бы он встал на колени, а не прорвался, по воле счастливого случая, через кольцо лихой компании. Мало ли чего бы им захотелось с ним еще сделать?

«Сволочи, – дрожащей рукой засовывая в карман мокрый от пота платок, решил Лыков. – Самые распоследние сволочи! И так имеют старт, какой не снился другим, а от жиру бесятся. Чего им не хватает? Жрут от пуза, поскольку у них папы и мамы, дедушки и бабушки не простые смертные, в любой вуз дорога открыта, а после еще на работу за кордон определяют и женят на состоятельной или замуж выдадут. Не надо десятками лет горбатиться на службе за квартиру, машину, дачу, диплом, не надо унижаться, выпрашивать. Им собачек покупают породистых, любовь к природе развивают, а они? Верно говорят, что яблочко от яблоньки недалеко падает – родители на службе с улыбочкой давят подчиненных и ломают им шею чужими руками, а детки людей собаками травят, пока никто не видит, а вырастут – сами в начальники пойдут! У-у, сволота, поубивал бы...»

Уже войдя в вагон метро, Аркадий обнаружил, что одна штанина порвана – то ли разорвал, когда бросился через кусты в проклятом скверике, то ли собака ненароком зацепила? Впрочем, какая разница, все равно брюки безнадежно испорчены, а они так ему нравились, да и денег стоят, между прочим. С кого теперь получишь за нанесенный ущерб? Пойти искать правду в отделении милиции? Но станет ли участковый связываться с высокопоставленными родителями великовозрастных болванов, уже успевших приобрести садистские наклонности? Да его на порог не пустят – один звонок, и он отправится дослуживать на селе, коров штрафовать. Знаем силу телефонного права, не первый год живем, понимаем, что статейки в газетках – одно, а суровая проза жизни – совсем другое. Разве что отловить эту банду по одному и набить каждому морду до крови?

Аркадий Андреевич Лыков считал себя типичным урбанистом, хотя родился и вырос в маленьком городишке далеко от столицы. Поступив в московский вуз, он вскоре обзавелся семьей, прописался у жены, а устроившись после окончания института в одном из НИИ, без сожаления расстался с супругой. В результате развода и удачного размена жилой площади у Лыкова появилась небольшая однокомнатная квартирка в блочной пятиэтажке, с крохотной кухней и похожей на пенал комнаткой.

Получив при разделе общего имущества старый диван-кровать и двустворчатый платяной шкаф, Аркадий перевез их на новое жилье, приобрел в комиссионном стол и стулья, кое-

какую кухонную мебелишку, купил кастрюльки и зажил в одиночестве, изредка нарушаемом визитами случайных подруг.

На службе он умыкнул настольную лампу и новый импортный телефонный аппарат, в той же комиссионке присмотрел дешевенький торшер и пару книжных полок, умело сплел из толстых веревок коврик, вызывавший восхищение гостей, «позаимствовал» в районной библиотеке несколько детективов, и квартирка приобрела вполне пристойный вид. Через некоторое время удалось за бесценок взять у приятеля проигрыватель. Нашлись и пластинки. Музыка, отдельная хата, мягкий свет торшера, «площадка для игр», как именовал свой диван-кровать Аркадий, – что еще нужно не успевшему облысеть тридцатилетнему холостяку?

Дверь санузла украсил плакат с обнаженной тайландской красоткой; одна из знакомых сшила шторы на окна; посуда набралась по кафе и столовым пусть разнокалиберная, зато бесплатно, вилки и ножи для предприимчивого человека, старающегося экономить средства, тоже не проблема, а сослуживцы подарили оригинальный ночник.

Впереди Лыков видел несколько путей достижения заветного благосостояния. Первый был достаточно тернист, требовал подготовки кандидатской диссертации и значительно осложнялся длинной негласной очередью на защиту, установленной руководством лаборатории. Да и написать диссер не так-то просто, сколько сил уйдет, пока в бухгалтерии тебе начнут начислять заветные «кандидатские» проценты – некую пожизненную ренту с однажды изготовленного «научного» труда, ничего не открывающего и не опровергающего и потому благосклонно принятого ученым советом и утвержденным ВАКом. А до того надо еще найти подходящую «диссертабельную» тему и пробивного руководителя, способного обеспечить своим именем гладкую защиту. Долго и хлопотно, особенно если сидишь на ставке младшего научного сотрудника.

Второй путь тоже требовал усилий в подыскании богатой невесты и удачном заключении нового брака. Но подходящие невесты на улице не валялись, а чтобы добиться благорасположения состоятельных родителей возможной избранницы, требовался соответствующий антураж в виде цветов, подарков и респектабельный внешний вид. Поэтому Лыков постоянно искал приработка – не пыльного, но денежного. Так судьба свела его с неким Витей Жедем, работавшим на пункте приема стеклотары, и Олегом Кисловым.

Тесная дружба возникла между ними после того, как Аркадий между делом рассказал об одном знакомом – человеке небедном, имеющем денежки и импортную технику, – уехавшем на отдых. Жедь, подумав, предложил навеститься на квартиру к знакомому в период его отсутствия. Лыков отказался, но, где живет знакомый, объяснил и потом получил от Витька долю – плотную пачечку хрустящих двадцатипятирублевков. Долго не отпускал страх, но обошлось, и Аркадий решил для себя – уж если и рисковать, то только по-крупному, за «ломовые бабки».

Иногда он позволял себе немного выпить в компании, но не терял головы и не пускался на поиски приключений. Зачем? Зарабатывать неприятности? Их и так в жизни предостаточно, другие доставят тебе это сомнительное удовольствие без всякой выпивки.

С мыслью о возможных неприятностях он и проснулся летним утром, искренне недоумевая, отчего в голове спозаранку вертятся подобные мысли? Жены у него не было, детей тоже, толкать в бок и посылать на кухню некого, поэтому он прошаркал стоптанными домашними туфлями к плите и поставил на конфорку кофейник. Бреясь, он вернулся к мыслям о неприятностях – отчего вдруг такое? Сегодня в институте долгожданная распродажа, – уже отложены денежки на случай приобретения дефицита из ширпотреба, – профсоюзное собрание состоялось на прошлой неделе, и его в докладе не упоминали, а членом других общественно-политических организаций Лыков не состоял, выбыв из одной по возрасту и не вступив в другую по причине нежелания в каждую зарплату отдавать деньги. С этой стороны вроде бы все нормально. Но отчего так погано на душе и чешется правый глаз? С детства Аркадий верил в эту дурную примету.

После завтрака он оделся и вышел из дома, чтобы проделать обычный путь к родному НИИ – сначала на автобусе до станции метро, потом в душном вагоне до центра, там пересадка, потом еще несколько остановок и маленькая прогулка пешком.

Войдя в комнату, Лыков улыбнулся коллегам и сделал рукой неопределенный жест, который означать приветствие.

– Что нового? – развалившись на стуле и закурив, спросил он.

– На сено отправлять будут, – буркнул один из сослуживцев, медленно раскладывая перед собой бумаги. – Ты вчера в министерство ездил, а к нам из профкома приходили, предупреждали. Корма, говорят, надо помочь заготовить.

– Правильно, – стряхивая пепел в корзинку для бумаг, согласился Лыков, – надо. Сейчас самое время. А ты чего всполошился? Твоя очередь ехать помогать братьям-себянам?

– Моя, – печально вздохнул сослуживец.

– Не тужи, выручу, – пообещал Аркадий, быстро прикинув, что уехать в подшефный колхоз можно недели на две, а то и на месяц. Там будут кормить, на сенокосе успеешь загореть, и получится недурной дополнительный отпуск. А здесь сохранится зарплата: толковый человек всегда найдет выгоду!

Весело прищелкнув пальцами, он повернулся к двери и увидел начальника отдела, прозванного Котофеичем за круглые зеленоватые глаза и рыжеватые усы.

– Лыков, заходи, – проскрипел Котофеич и закрыл дверь.

– Щас, только докурю, – попытался оттянуть неприятный момент Аркадий. Неужели шеф дознался, что вместо министерства Лыков вильнул по своим неотложным делам? Хотя когда бы ему успеть навести справки?

– Футбольчик вчера смотрел? – поинтересовался другой коллега, разворачивая бумагу с бутербродами и опуская в стакан кипятильник: как отец многодетного семейства, он никогда не успевал позавтракать дома.

Оставив вопрос о футболе без ответа, Лыков вышел в коридор: не стоит томить Котофеича долгим ожиданием. К тому же чем раньше узнаешь причину вызова, тем больше останется времени для маневра и отыскания достойных и безболезненных способов выхода из возможной пиковой ситуации.

Кабинет начальника располагался в самом конце длинного коридора, в комнатке, переоборудованной из женского туалета. Строители, делавшие ремонт, не срубили кафель на стенах, и потому кабинет, с развешанными диаграммами и плакатами, производил на непосвященных странное впечатление. Но Аркадий давно привык и перестал обращать внимание – всем известно, как любят начальнички различных рангов отдельные кабинеты, а с помещениями в столице туго. Вот каждый и выкручивается как может.

С сожалением выбросив недокуренную сигарету в открытое окно, Аркадий поправил узел галстука и без стука открыл дверь – Котофеич любил играть в демократию и на собраниях называл свой коллектив «сплоченной семьей», что вызывало у сидевших в последних рядах иронические улыбки.

– Присядь. – Начальник неторопливо открыл сейф. Достав из него тонкую папку, положил ее перед собой на стол. – Поедешь сейчас к главному шефу, отвезешь бумаги. Если захочет с тобой пообщаться, не отказывайся, но лишнего не болтай. Понятно?

– Почему я? – Аркадий умело изобразил на лице озабоченность крайне занятого важнейшими делами человека. Еще только не хватало уехать в день распродажи!

Главным шефом называли директора института – человека пожилого, несколько лет тяжело болевшего и уже не ожидаемого обратно. В его кабинете давно по-хозяйски расположился Афанасий Борисович, считавший себя полноправным и неоспоримым преемником дышащего на ладан «короля». Но пока король не умер, приходилось время от времени совето-

ваться с ним, отправлять на подпись бумаги или, по крайней мере, сохранять видимость того, что советуются, хотя все решал ставший всесильным заместитель.

– Почему я? – упрямо повторил Лыков, решительно отодвигая от себя папку: у старика можно застрянуть надолго, да и живет он не рядом, а машину не дадут. – Пусть Сагальский или Кучумов поедут. Это же почти на целый день!

– Не заговаривайся, – сурово одернул его Котофеич, встопорщив рыжеватые усы и еще больше округлив глаза. – Привыкли там, понимаешь, в курилке зубы скалить! Сказано – поедешь, значит, поедешь. Забирай и отправляйся!

Он взял со стола папку и сунул в руки Лыкову. Тому ничего не оставалось, как принять ее и выйти, досадуя на свою несдержанность и часто подводивший его язык. Не зря говорят: язык мой – это та дорога, по которой приходит беда. Промолчал – глядишь, удалось бы отболтаться, обратив взор начальства на других сотрудников, но да чего уж теперь, когда дело сделано?

До сегодняшнего дня Аркадию еще ни разу не доводилось бывать в доме главного шефа – только в последнее время, окончательно поняв, что старик не сдюжит с болезнью и уже не вернется, начальство стало отправлять к нему мэнэсов, а до того предпочитало личные контакты, демонстрируя преданность и озабоченность состоянием здоровья директора. Излишним любопытством Лыков не страдал, но тем не менее взглянуть, как живет заслуженный товарищ, тоже не мешает.

Выйдя из метро, Аркадий решил не торчать в ожидании троллейбуса на остановке и пошел пешком, расспросив у прохожих дорогу. Шеф жил в районе, прозванном Дворянским гнездом, – кирпичные дома с широкими окнами, заботливо политые дворниками тротуары, много зелени, тенистые дворы с ухоженными газонами и цветниками около подъездов, нет привычного, надоедливое гула грузового транспорта. Во дворах стояли личные автомобили, лаково блестя чисто вымытыми боками, кричали играющие дети, женщины в модных курточках выгуливали породистых собак.

Отыскав нужный дом, Лыков вошел в подъезд и, назвав хмурой усатой старухе номер квартиры, поднялся на лифте.

Дверь ему открыла аккуратная седая женщина в строгом темном платье.

– Вы к Ивану Сергеевичу? Проходите, он ждет.

Вытерев ноги об узорчатый половичок, Аркадий прошел в большую комнату. У окна в глубоком кресле, укрытый до пояса пледом, полулежал главный шеф. Слабо улыбнувшись, он показал желтой высохшей рукой на кресло напротив и тихо попросил:

– Маша, сделай нам, пожалуйста, кофе.

– Что вы, не стоит беспокоиться, – опускаясь в кресло и открывая кейс, попытался отказаться Лыков. Стоит ли распивать здесь кофе? Только задержишься, а вдруг еще удастся освободиться побыстрее и вернуться к началу распродажи или хотя бы к ее концу?

– Вы мой гость, не знаю, простите, как вас величать, – улыбнулся шеф, – поэтому давайте все же попьем кофейку и немного поболтаем.

– Лыков Аркадий Андреевич, – чуть привстав, представился гость. – Я у Конырева работаю.

Он чуть было не сказал «у Котофеича», но вовремя спохватился и прикусил язык – хватит на сегодня, и так с утра болтнул лишнее и теперь приходится сидеть здесь.

– Знаю. Привезли? Давайте...

Аркадий отдал папку и услужливо подал шефу очки со стола. В комнату, неслышно ступая обутыми в мягкие тапочки ногами, вошла седенькая Маша, вкатив столик с кофейником, чашками и вазочками с печеньем и сахаром. Оставив столик между Иваном Сергеевичем и гостем, так же неслышно ушла.

– Скучно, – небрежно бросив папку на широкий подоконник, доверительно пожаловался шеф. – Пейте кофе, бразильский...

– Что – скучно? – осторожно беря тонкую фарфоровую чашечку, переспросил Лыков.

– Да это. – Иван Сергеевич кивнул на папку. – Напускают тумана, раздувают научную истерию там, где проблема не стоит выеденного яйца. Что нового в институте?

– Так, ничего особенного. – Вопрос шефа застал врасплох, и Лыков не знал, что ответить. Начать рассказывать, как переставлял мебель в кабинете шефа Афанасий Борисович, а сотрудники потели, перетаскивая тяжеленные шкафы с этажа на этаж? Или доложить, вроде бы как ненароком, о новых строгостях и отмене библиотечных дней? Да зачем об этом говорить с высыхающим от старости и болезней академиком, нужно ли ему теперь все это? Он уже о душе думает, а не о земном.

– Читали то, что привезли? – пылливо поглядел на него Иван Сергеевич – Или так, выступаете в роли прямо-передаточного звена, подменяя почту?

– Подменяю, – не стал скрывать Аркадий.

– Я сейчас как машина, остановившаяся около нефтяной скважины, – грустно усмехнулся шеф. – Горючего пропасть, а заправиться нечем. Проклятая болезнь, сахарный диабет, недостаток инсулина. Поэтому и получается, что нефти хоть отбавляй, но она еще не бензин, в моем случае, не сахар.

– А инъекции?

– Это хорошо, когда человек молод и у него нет целого букета болячек, – тихо посмеялся академик. – Зато у старого масса времени для размышлений и переосмысления прожитого. Как вы думаете, почему они не поехали ко мне сами, а послали вас? Ну, не стесняйтесь, говорите. Я знаю, что меня давно списали.

– Ну что вы. – Аркадий изобразил на лице смущенное недоумение.

– Научились лгать, – печально констатировал Иван Сергеевич. – Хотите, открою секрет, почему не поехал Афанасий Борисович или другой заместитель? Я всю жизнь стремился заниматься чистой наукой, а на администрирование меня не хватало, не оставалось времени. Потому и подбирал себе замов-бюрократов. А что такое бюрократ в науке? Это сплав дурной нравственности с мыслительной импотенцией, поскольку они, как правило, люди малоодаренные в научном плане, и если их освободить от кресел, сидя в которых они подписывают подготовленные другими бумаги и утверждают рожденные исполнителями идеи, то научный бюрократ окажется не у дел. Впрочем, как и любой другой. Поэтому братцы-бюрократы всегда держатся тесной кучкой, объединяясь в сообщества ничего толком не умеющих, но страстно желающих иметь ценности, которых сами создать не могут. Теперь они боятся, как бы я их напоследок не пнул под зад, и не едут, подлецы.

– Но Афанасий Борисович доктор наук, – робко возразил никак не ожидавший подобных откровений ошарашенный Лыков. Шеф его не на шутку озадачил: тихий, желтый старикан, укрытый толстым пледом, а поди ж ты, кусается. Неужто и правда надеется перебороть болячки и вернуться? Вот тогда даст шороху в институте.

– Формальный признак, – небрежно отмахнулся академик. – Такие, как Афанасий, не могут жить без регалий и полагающихся к ним дотаций. Стахановцы от науки. Находят беспроектные «диссертабельные» темы, заполучают научных руководителей-корифеев и лепят горбатые работенки, без запинки проскакивая через ученые советы. А настоящих ученых-то раз-два и обчелся! ВАК выбраковывает всего пять процентов докторских и полпроцента кандидатских, штампуя решения советов. Сам сидел в ВАКе, знаю, что на обсуждение докторской затрачивается в среднем не более трех минут.

Иван Сергеевич взял с подоконника пачку «Казбека», вытряхнул из нее папиросу и прикурил. Лыков беспокойно ерзал на стуле – ну дает дед, всех по костям раскладывает, прямо как в анатомическом театре. Неужели сам никогда душой не покривил, не получил денежки

зря? Или сейчас, по прошествии многих лет, ему все представляется в ином свете, особенно собственная жизнь и судьба в науке? Стоит ли спрашивать об этом или лучше молчать и слушать? А время идет, идет...

Бросились в глаза пальцы академика, зажавшие мундштук папиросы, – какие они тонкие, с отливающими синевой ногтями, хрупкие, словно косточки в них истончились и обтянулись воскового цвета кожей. Сколько же лет Ивану Сергеевичу? Раньше Аркадий об этом никогда не задумывался – что ему главный шеф? Они существовали как бы в разных измерениях – тот на симпозиумах, в президиумах, в собственном кабинете, охраняемый непреклонно-бдительной секретаршей, с презрением относившейся к любому сотруднику, не достигшему должности хотя бы завлаба, а Лыков – всегда в общей массе, в зале на собраниях или в колхозе на картошке, куда не попадает начальство. На банкеты его тоже никогда не приглашали, разве велят сгонять на рынок за зеленью. И вот судьба, капризная и ветреная дама, выкинула неожиданную штучку – сидит мэнээс Аркадий Лыков напротив академика, причем в квартире последнего, и слушает его излияния. Неужели шефу надо было серьезнейшим образом заболеть, чтобы подойти до бесед с научными козявками?

А вот интересно, если он выздоровеет, станет ли приглашать Аркадия для душевных бесед в свой роскошный, устланный коврами и обшитый панелями темного дерева кабинет или напрочь забудет о сегодняшней откровенности, вновь начав раскатывать по международным конференциям и заседавая в разных президиумах? Что ему тогда будет до неостепененного младшего научного, когда таких в его институте хоть пруд пруди. Нет, ну его к чертям, этого академика, вместе с его откровениями – многое и самому давно известно. Слава богу, не слепой и не вчера родился, а в науке тоже не первый годок пашет, понимает, что к чему.

– Чем занимаетесь у Коньрева? – Докурив, Иван Сергеевич примял папиросу в пепельнице и попросил: – Приоткройте, пожалуйста, форточку, а то Маша меня ругать станет.

– Информационно-вероятностными моделями. – Открыв форточку, Аркадий вернулся на свое место. Вдаваться в подробности не хотелось, чтобы не дать шефу повод к новым обличительным тирадам. Хорошо, когда можно обсуждать наболевшие вопросы вместе, на равных, а так...

– Извечная проблема, – закашлялся академик. – Бывали за рубежом? Впрочем, зачем я спрашиваю. Вряд ли и сейчас это стало возможным для людей вашего положения. Простите великодушно, но что поделать? Еще одна издержка нашего пресловутого бюрократического застоя: едут те, кому ничего не надо, кроме магазинов. Так вот, как-то в одном зарубежном игорном заведении я встретил интересную пару. Эдакие старички с толстой тетрадь в руках, куда они записывали цифры с барабанов игровых автоматов, создавая свою, доморощенную теорию игр. Я долго с грустью наблюдал за ними, не ведавшими того, что этой серьезнейшей математической проблеме отдали многие годы жизни такие умы, как Нейман и Моргенштерн. И то не решились до конца! Но разве можно запретить кому-нибудь заниматься своей наукой? Пожалуй, это было бы бесчеловечно. Ну а чего вы достигли?

– Сдал кандидатский минимум, работаю, – неопределенно пожал плечами Лыков.

– Знаете о разработках новых компьютеров, основанных на числах Фибоначчи и золотой пропорции? – хитро прищурился Иван Сергеевич.

– Н-нет, – вынужден был признаться Аркадий, но тут же поправился, сохраняя лицо: – Вернее, слышал, но отдел научно-технической информации нашего института...

– Знаю, – прервал его шеф, – Фибоначчи – это прозвище выдающегося итальянского математика XIII века Леонардо Пизанского, написавшего знаменитую «Книгу о счете». В ней он изложил последовательность чисел, известную с тех пор как ряд Фибоначчи. Вы, наверное, не математик, а электронщик? Угадал? Ну, вспомните, например, единица, двойка, тройка, пятерка, восьмерка, чертова дюжина, очко, то есть двадцать один, тридцать четыре... Это простейший ряд Фибоначчи, где каждое последующее число, начиная с тройки – международной

студенческой оценки, – равно сумме двух предыдущих. И эта числовая возвратная последовательность обладает удивительными свойствами. Например, отношение соседних чисел Фибоначчи в пределе стремится к так называемой золотой пропорции, а сам термин «золотое сечение» ввел в обиход Леонардо да Винчи.

Лыков слушал Ивана Сергеевича, тщательно скрывая раздражение, – раскудахтался дед, читает лекции, как школяру, аж глазенки загорелись. По всему видно: сел на любимого конька и ну его колотить каблуками по тощим ребрам. А в институте уже наверняка всю идет распродажа. Какой тут Фибоначчи полезет в голову? А дедок словно не замечает, что за окнами темнеет небо и скоро проглянут первые звезды, подливает остывший кофе в чашки, отхлебывает его мелкими глотками, блаженно прикрывая глаза истончившимися кожистыми веками-пленками, делающими его похожим на полудохлого петушка, и вещает, вещает.

– Интереснейшая штука, отменно интереснейшая. – Иван Сергеевич сам дотянулся до большого рабочего стола, заваленного грудой бумаг, и выудил из-под них толстую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке. – Вот, один молодой, но несомненно одаренный ученый прислал мне для ознакомления свою работу по вопросам информационно-вероятностных моделей программно-целевого управления. Хотите почитать? Думаю, дней десять вам хватит, а потом верните, голубчик. Я обещал дать свои замечания, однако пока не успел. Работу прочел и думал, что сегодня приедут власть имущие и удастся обсудить с ними вопрос о приглашении этого молодого дарования к нам на работу, но... Берите, когда приедете в следующий раз, обсудим. Договорились?

Аркадий вяло кивнул и сунул тетрадь в кейс, даже не удосужившись открыть ее или полистать. Заметив это, академик недовольно поджал губы, но любезного тона не изменил:

– Заговорил вас? Скучно старику, простите. Мысли заняты больше не прибылью, а убылью самого ценного из того, чем располагает человек: убылью времени и чувств. Прощайте, Аркадий Андреевич, жду вашего нового визита.

– Всего доброго, Иван Сергеевич, – поклонился Лыков и направился в прихожую.

– Маша, проводи, пожалуйста, гостя, – донесся до него голос главного шефа.

В конце длинного коридора появилась седенькая Маша, открыла дверь, и Аркадий вышел на лестничную площадку. Сзади шелкнул замок.

Обернувшись, Лыков поглядел на обитую черным дерматином дверь с латунной табличкой и зло сплюнул – пропади ты пропадом со своей скукой и маразматическими наставлениями!

Торопиться на распродажу более не имело никакого смысла, и Лыков решил пройтись пешком до метро через дворы. Здесь-то он и нарвался на золотую молодежь.

Утром следующего дня Лыков проснулся с головной болью. Сушило во рту, противно скребло в носоглотке, а за окном зарядил мелкий морозящий дождичек, навевающий печаль и отчаяние, на работу жутко неохота, воспоминания о вчерашнем унижении и собственном страхе портят настроение, а еще может позвонить начальству главный шеф и пожаловаться, что присланный к нему с бумагами мэнээс оказался неразговорчив и не сумел развеять старческую скуку больного академика.

Подтянув поближе телефон – вот оно, преимущество малогабаритной квартиры, где и повернуться-то толком негде, – Аркадий начал раз за разом методично набирать номер районной поликлиники: просто так на работу не пойти нельзя – Котофеич и одного дня дома посидеть не даст. Придется вызвать врача и получить больничный. Правда, у них там тоже социалистическое соревнование за всемерное уменьшение больничных человеко-дней – придумают же такой термин! – но что остается делать, не прогуливать же? По головке потом не поглядят.

Дозвонившись до помощи на дому, он вызвал врача и нехотя встал, раздумывая – позвонить на работу сейчас или потом, когда получишь заветный синенький листочек, дающий минимум три дня свободы?

Лениво выпив чаю и пожевав бутерброды, Лыков спустился вниз за газетами. Из свернутых газетных листов выпал беленький конвертик письма. Аркадий поднял, прочел обратный адрес – от сестры.

Вернувшись в квартиру, он завалился на диван и, прикурив сигарету, начал читать послание. В общем, ничего нового, как жила провинция, так и живет – ни разу не было на прилавках колбасы, сарделек, сосисок. И на детей ничего не купить – нет шуб, пальто, платьев, а у сестры двое. Майки покупает у бабок на рынке. А куда деваться?

Сестра пишет, что на Новый год детям дали на елке подарки и положили в кулечки по два мандарина, а дочка спрашивает, как их есть, и начала кусать прямо с кожурой, как яблоко. Зефира уже лет десять не видели, а бананов и персиков никогда даже не пробовали. Слезы одни, только и ждешь обещанного улучшения жизни, а когда-то оно будет?

Сложив по старым сгибам аккуратно исписанный листочек из тетради в клеточку, Аркадий поиграл желваками на скулах – чем он может помочь, когда сам гол как сокол? Зря, что ли, специалисты из науки бегут за стойку бара или в кооперативы? Зарплата мэнэеса позволяет лишь сводить концы с концами, и то не всегда.

Газеты читать чего-то расхотелось – опять о недостатках и призывы к активности, а как ее проявишь, например, на своем месте, если все в руках Афанасия Борисовича, а над тобой Котофеич сидит, давя на голову железобетонной, непробиваемой задницей? Они тебе за любую активность живо козью морду устроят, а послушный коллектив заклеит позором отступника, попытавшегося говорить о том, что оклады в науке должны быть выше, чем в учебных заведениях, поскольку ученый по своей сути полифонист в исследуемых проблемах и должен обладать широтой знаний, а преподаватель имеет кусочек курса по предмету и читает его из года в год по шпаргалке. Да еще попробуй устройся на кафедру, где блатной на блатном и блатным погоняет. Впрочем, в любом НИИ не лучше – сплошные «жоры», «лоры» и «доры», что остряки расшифровывают как «жены ответственных работников», «любовницы ответственных работников» и «дети ответственных работников», а случайно уцелевшие научные кадры тянут за всех...

Провалявшись полчаса, он встал, сварил суп из пакетика и опять завалился на диван, не зная, чем заняться в ожидании врача. Благо тот не заставил себя ждать.

Участковым врачом была неразговорчивая, замотанная заботами пожилая женщина. Измерив температуру и быстренько перекрестив Аркадия стетоскопом, она выписала больничный на три дня, поставив сакраментальный диагноз ОРЗ.

Закрыв за ней дверь, Лыков пришел на кухню, налил тарелку супа, съел и вернулся на любимый диван.

Протянув руку за очередной сигаретой, он обнаружил, что пачка пуста. Вот незадача!

Вспомнив, что в кейсе была еще одна пачка, он нехотя поднялся и открыл его. Действительно, в уголке, рядом с полученной от главного шефа тетрадь, лежала пачка «Явы». Прихватив и тетрадь, Лыков опять принял привычную позу на диване и, с удовольствием закурив, начал перелистывать странички, исписанные мелким каллиграфическим почерком. Вскоре он увлекся и начал читать уже не отрываясь.

Неизвестный автор предлагал конкретную математическую модель, причем не просто модель, а реальную, применимую в повседневности информационную модель ситуационного текущего планирования и управления научными исследованиями. Но особая ценность заключалась совсем в другом – для практического использования предложений автора совсем не нужно было до тонкостей разбираться в сложных математических моделях и вопросах специального программирования. Вся система ориентировалась на обыкновенных администраторов

от науки и строилась на принципах диалогового режима – то есть администратор вводит в машину данные о своем объекте управления и формулирует задачу. Если каких-то данных не хватает, то ЭВМ сама сообщает ему об этом и требует конкретной информации. К тому же вопросы, задаваемые машине, можно формулировать на нормальном, а не машинном языке.

Лыков примял в пепельнице сигарету и зло захлопнул тетрадь, не дочитав ее до конца, – какого черта это не пришло ему самому в голову? Это же так просто, как все гениальное! Или надо действительно обладать хотя бы долей гениальности, чтобы додуматься до такого раньше других, да еще не побояться прислать тетрадку академику?

Вот так всегда – ты мучаешься, думаешь, ломаешь башку, как быть, а некий счастливчик походя решает оказавшуюся неразрешимой для тебя задачу и готовится снять сливки. Он первый, а ты глотаешь горькую пыль, плетясь у него в хвосте и не имея надежды догнать и перегнать лидера. Черт знает что! И ведь здесь основа вождяленной диссертации!

Может, бросить все к чертям, уволиться из института, податься в слесари или токари? Вон, везде таблички на досках объявлений: требуется, требуется, требуется! Вспомнился замполит в армии, проводивший нудные занятия. Один из солдат, желая разыграть его, спросил, отчего несчастные безработные на Западе не поедут к нам, на наши стройки и предприятия? Ведь у нас профсоюз силен и блага социализма.

Капитан вытер платком побагровевшие залысины и сипло ответил:

– Денег у них нет на дорогу! – чем вызвал дружный хохот.

М-да, но это так, воспоминания и размышления, а делать-то чего, болеть? Сидеть дома и ждать у моря погоды? Но вдруг это – самое верное решение? Ничего не предпринимать, ни о чем не задумываться, а покориться судьбе? Не может же она бесконечно быть жестокой по отношению к Аркадию, когда-то должна и смилостивиться, повернуться лицом, дать надежду на успех?

Бросив тетрадь на стол, Лыков закинул руки за голову и прикрыл глаза: он не будет суетиться, подождет. Чего? Там видно будет чего, все равно завтра на работу не идти...

Первое, что бросилось Аркадию в глаза, когда он переступил порог вестибюля родного института, – обтянутая красным материалом тумбочка с цветами, среди которых почти потерялся большой портрет главного шефа в траурной рамке. Вокруг тумбочки суетились деловитые женщины из профсоюзного комитета, в отдалении стояли Афанасий Борисович и секретарь парткома, беседуя вполголоса и сохраняя на лицах приличествующее выражение скорби. Приносили новые букеты, кто-то бегал с банками в туалет за водой, а Лыков застыл на месте, не в силах оторвать взгляд от портрета. Казалось, академик вопросительно смотрит прямо на него, чуть прищурив усталые глаза, словно прячет в них ироническую усмешку. На портрете Иван Сергеевич казался много моложе, – наверное, взяли фото десятилетней давности из личного дела в отделе кадров и увеличили.

Опомнившись, Аркадий прошмыгнул мимо начальства и, не дожидаясь лифта, взбежал по лестнице на свой этаж.

В кабинете все оставалось на своих местах и все шло по обычному утреннему распорядку – Сагальский с кислой миной неторопливо раскладывал перед собой бумаги, готовясь к новому рабочему дню, а поверх них положил свежую газету; Кучумов опускал в стакан кипятильник, тщательно скрываемый от бдительного пожарного, и разворачивал бутерброды, опять не успев позавтракать дома; Ленка Суздальцев опаздывал, а Никифоров курил.

– Читал? – вместо приветствия, обратился он к Лыкову. – В газете пишут, что у наших артистов после гастролей за рубежом выдирают по девяносто процентов из гонораров. Жалуются, бедняги. Меня вон вообще за границу никто не посылает, а я и десяти процентам был бы до смерти рад. Это же валюта!

– Ты петь не умеешь, – откусывая от бутерброда, хмыкнул Кучумов, – плясать тоже, а на твое пузо глянуть, так ни одна «Березка» в ансамбль не возьмет. Кстати, Аркадий, ты чем болел?

– ОРЗ, – буркнул Лыков.

– Надеюсь, ты уже не бациллоноситель? – помешивая ложечкой в стакане, продолжал допытываться Кучумов. – Пойми правильно, у меня дома дети.

– Я понимаю, – заверил Аркадий и подсел к Сагальскому. – Скажи, Сева, когда главный шеф это... Ну, помер?

– Говорят, вчера, – не отрываясь от газеты, промычал Сева. – А что?

– Так, – пожал плечами Лыков.

– Все определено, старичок! – заржал Никифоров. – Король умер, да здравствует король!

– Да, – сметая со стола крошки, согласился Кучумов. – Теперь нашему Афанасию открывается прямая дорога в академики. Через годок выберут, и он успокоится. Достигнет, так сказать.

Аркадий вернулся за свой стол и закурил. Что теперь делать? Что сказал о нем главный шеф после визита и, самое основное, кому сказал? Афанасию Борисовичу или Коныреву – Котофеичу? Нет, Конырев для него мелкая сошка, если покойный шеф с кем и общался, то наверняка со своим замом. А тетрадь? Может, пойти к Котофеичу или прямо к Афанасию и отдать ее?

– Больших перемещений не предвидится, – развалившись на стуле, авторитетно вещал Никифоров, поглаживая живот, туго обтянутый клетчатой рубашкой. Его привычка носить к клетчатым рубашкам типа ковбойки пестрые галстуки очень раздражала Аркадия. – Все решено заранее, поскольку главный шеф слишком долго болел.

– Не скажи, – отозвался Кучумов, прятая в сейф кипятильник, – на «палубе» кое-кто кое-кому за кресло пасть порвет.

«Палубой» в обиходе именовали второй этаж, где размещались кабинеты руководства, и привычно говорили – пойду на «палубу» или вызвали на «палубу».

– Порвут, как пить дать порвут, – ехидно захихикал Сагальский, закрывшись газетой.

Аркадий молчал, не ввязываясь в обычный треп. Появившаяся мысль не давала покоя – вдруг Иван Сергеевич никому не говорил о том, что дал тетрадку малоприметному мэнээсу? Когда бы он успел сказать, да и зачем? Что у него, других дел не было? Но вдруг шеф захотел побыстрее решить вопрос о приглашении на работу в институт автора записок в тетрадке, и тогда...

А что тогда? Тогда через некоторое время у Аркадия обязательно спросят, где тетрадь, которую ему дал покойный академик? Но могут и не спросить, вот в чем дело! Отдать всегда успеешь, а если обстоятельства сложатся благоприятно, надо брать тему и застолбить ее на ученом совете – пусть потом самородок из провинции кусает локотки, поскольку вторую такую же тему кандидатской диссертации никто не утвердит. А материальчик самому использовать на все сто, заручившись поддержкой могучего научного руководителя, способного, как танк, проложить тебе дорогу своим именем. А готовую работу ты на стол ему положишь, – недолго надрать цитат из разных авторов и привести текст в нужное, наукообразное состояние.

Моральный вопрос? Ерунда! Все сдувают друг у друга, как двоечники-второгодники. Поэтому решено: ждем и надеемся, надеемся и ждем...

Глава 2

Долгими ночами, лежа без сна на жесткой койке, Виталий Николаевич Манаков размышлял, день за днем вспоминая всю свою, пока еще не очень длинную, жизнь, словно просеивая ее через частое сито сомнений. А когда под утро он забывался наконец в тяжелом сне, смежив

усталые веки, то виделось одно и то же, когда-то виденное в детстве и накрепко врезавшееся в память, а теперь, так некстати, возвращавшееся к нему.

Выходили на зелененький, залитый веселым солнечным светом лужок два кряжистых мужика в неподпоясанных рубахах и плохоньких брючонках, заправленных в стоптанные кирзачи. Один из мужичков – патлатый, под хмельком – нес топор и таз со сколотой по краям эмалью, а другой – удивительно похожий на первого – тянул за собой на веревке упиравшегося копытами в землю молодого бычка: крепконового, лобастого, с упрямыми рожками. Привязывали мужички бычка к деревцу, неспешно курили едучую «Приму», лениво перебрасываясь словами, потом затапывали окурки, и начиналось страшное, жуткое. Хмельной мужик с утробным хеканьем ударял обухом топора в лоб бычка, дико хрустела кость под тяжелым железом, вздрагивали напряженные уши животного, и бычок как подкошенный падал на колени, а из ноздрей у него струей неслась темная кровь, пятная изумрудную, щедро залитую солнцем траву...

Манаков вскрикивал во сне и просыпался, чувствуя, что лицо его мокро от слез, – ведь и его так же судьба, как этого бычка, прямо обухом в лоб, без всякой жалости и сострадания. Да и стоит ли ждать милосердия от слепой судьбы и жестоких людей?

Погорел Виталий нелепо. Все шло хорошо, сестра удачно вышла замуж за делового и обеспеченного человека – машина, дача, отличная квартира, деньги есть и сам не старик: занимал достаточно высокий пост, пользовался уважением окружающих и имел блестящие перспективы. А при родственничке и Виталику стало жить легче – помог, устроил, пригрел. Это только потом Манаков понял, что муж сестры Миша Котенев живет по своим законам, где лежачего, может, и не добивают, но переступают через него и идут дальше не оборачиваясь, не обращая внимания на призывы о помощи. Но тогда Виталик начал потихоньку помогать родственнику в делах, купил машину, обставил квартирку, завел видео с набором увлекательных западных фильмов, набил бар импортными бутылками и упаковался в фирму. Вот тут и появился на горизонте некий Анатолий Терентьевич Зозуля.

С мужем сестры Зозуля знаком не был. Обходительный, вальяжный, пожилой, он умел расположить человека к себе, не скупился на угощения, охотно поддерживал компанию, если предлагали пригласить «вешалок» – то бишь манекенщиц из Дома моделей, – чтобы веселее скоротать вечерок. Как Котенев узнал о приятельских отношениях Зозули и Виталия, просто уму непостижимо, тем более что Зозуля бывал в Москве наездами, поскольку постоянно обретался на Украине, но Михаил узнал. Однажды вечером, после ужина, дождавшись, пока жена выйдет из комнаты, он как бы между прочим бросил Виталию:

- Чтобы Зозули с тобой рядом больше не было.
- А собственно... – вскинулся было Манаков, но зять оборвал его:
- Повторять не буду. Потом пеняй на себя. Понял?

Виталий только досадливо дернул плечом и ушел. Поехал к себе – хватит с него Мишкиного деспотизма: карьера, положение, нужные люди, заграникомандировки. Так вся жизнь пройдет, оглянуться не успеешь, а второй никто еще не купил. Что Мишке Зозуля поперек горла встал? Анатолий Терентьевич мужик что надо, не жмот – за услуги всегда отстегивает радужную бумажку аккредитива на предъявителя, хитро сообщая, что не любит таскать с собой пачки наличности.

В один дождливый вечерок, когда Виталик подвозил Зозулю на своей машине в аэропорт, тот, пользуясь тем, что они наедине, попросил об услуге – нужно достать валюту, оплата щедрая, но нужно быстро и много. Сможет ли Виталик помочь?

Наблюдая, как щетки сгоняют со стекла мутные капли дождя, и следя за дорогой, Манаков молчал, тянул с ответом, раздумывая. Нет, о предупреждении зятя он тогда не вспомнил – просто считал: сколько можно отгрызть у Зозули, если хорошо повертеться и выполнить просьбу? Мошна у Терентьевича тугая, стоит ее помассировать, чтобы выдоить побольше –

не обеднеет. Наконец, поняв, что дальнейшее молчание будет истолковано как отрицательный ответ, Виталий пообещал сделать все возможное.

Зозуля повеселел. В знак признательности стиснув Манакову колено, поставил условие – купюры должны быть самыми крупными. Виталик согласился и обещал позвонить, как только подготовится к новой встрече, но предупредил, что нужную Анатолию Терентьевичу сумму в короткий срок не собрать. Тогда Зозуля выдвинул новое условие – Манаков собирает не менее трети суммы и только потом звонит, а еще лучше, если наберет хотя бы половину. На том и порешили.

Последующие дни Виталик носился по городу как угорелый – его подстегивала жажда скорее встретиться с Зозулей и получить свои проценты. Вскоре он позвонил из междугородного автомата Анатолию Терентьевичу.

На встречу в аэропорту Манаков приехал заранее, положив в карман спичечный коробок с плотно втиснутыми в него крупными купюрами валюты. Побродив по залу и не заметив ничего подозрительного, он устроился неподалеку от буфета.

Зозуля появился в толпе пассажиров – как всегда элегантный, в светлом костюме, с незажженной сигаретой во рту. Манаков знал, что в кармане у Терентьевича лежит билет на первый обратный рейс и, как только они обменяются спичечными коробками, в одном из которых валюта, а в другом аккредитивы, Зозуля вновь регистрируется и улетит.

Обмен прошел гладко. Анатолий Терентьевич попросил прикурить и получил спичечный коробок с валютой, опустив его в карман своего светлого пиджака. Виталик иронически намекнул на школьную привычку заигрывать спички, и ему вернули коробок, но уже другой, с аккредитивами. Извинившись, Зозуля обворожительно улыбнулся и медленно удалился не оглядываясь.

Довольный, Манаков украдкой заглянул в коробок. Все без обмана, лежат радужные бумажки. С трудом сдерживая желание погладить карман, Виталик поспешил на выход. Сейчас он сядет в автомобиль, отъедет подальше, а потом переложит аккредитивы в бумажник и обменяет их на наличные в первой попавшейся сберкассе. Конечно, не все сразу – совсем ни к чему привлекать к себе внимание.

Однако получилось не так, как он рассчитывал. Его остановили прилично одетые молодые люди, предъявили красные книжечки и предложили следовать за ними. От испуга и неожиданности Виталик потерял голову – оттолкнув неизвестных, он бросился бежать, лавируя между бестолково сновавшими по залу ожидания пассажирами с портфелями, чемоданами и сетками. Коробок жег карман, и надо было его выбросить, но не позволила жадность. Когда он решился наконец бросить проклятую коробочку, его уже поймали на лестнице, заломили руки за спину и под любопытными взглядами зевак, охочих до всякого случайного и бесплатного зрелища, потащили в комнату милиции. Лица окружающих сразу же слились в одно светлое пятно, в голове гудело, ноги сделались ватными, и казалось, что, отпусти милиционеры его руки, он осядет на пол, как тряпичная кукла.

Увидев в комнате милиции смиренно сидящего перед барьерчиком дежурного Зозулю, разом потерявшего всю франтоватость и вальяжность, Виталик почувствовал, что ему делается дурно...

* * *

Следственный изолятор подавил Манакова сразу и бесповоротно – запах дезинфекции, супчик из килек, грязно-зеленый цвет стен и длинные ряды дверей битком набитых камер. Шаркая по полу туфлями без шнурков, Виталик под конвоем контролера подошел к дверям камеры, щелкнул замок, и его подтолкнули внутрь, навстречу уставившимся глазам – любопытным, равнодушно-потухшим, жадно-насмешливым.

Лиц сокамерников он не видел – они показались ему просто размытыми пятнами, как там, при задержании в аэропорту, или это на глаза навернулись слезы от горькой жалости к себе, от невозможности изменить судьбу, столь жестокую и немилосердную? Сзади хлопнула дверь и лязгнул замок.

Безвольно опустив руки вдоль тела, Манаков потерянно стоял у двери, рядом с парашей, не зная, что делать дальше. Может, поздороваться, поприветствовать насильно собранных здесь людей, волею провидения и закона оказавшихся с ним под одной крышей на неизвестное число дней и ночей?

– Здравствуйте.

Его слова повисли в воздухе. Никто не ответил, только продолжали разглядывать, как диковинное животное в зоологическом саду. Наконец кто-то хихикнул:

– Привет! – И компания весело заржала.

К Виталию подошел коренастый малый в застиранной темной рубашке и критически оглядел новичка.

– Статья? – засунув руки в карманы брюк, буркнул он.

– Валюта, – горько вздохнул Манаков.

– Восемьдесят восьмая, – брезгливо поправил парень. – Правила знаешь?

Виталик отрицательно помотал головой – какие правила? Он никогда не сидел в тюрьмах, не привлекался к суду, не имел приводов в милицию и всегда старался обходить ее стороной.

– Слушай и запоминай, – покачиваясь на носках, менторским тоном начал парень. – Перед контролерами не шестери, уважай старшего по камере, утром в туалет по очереди, а твоя очередь будет последняя. Получишь передачку, поделись с товарищами и не жмотничай. Иначе опустим. Осознал? Спать будешь у параша.

Манаков непроизвольно кивал – слова парня доходили до него как через вату, забившую уши плотными комками.

Какое значение имеет, где здесь спать, есть, когда ходить в туалет, если он в *тюрьме* и выйдет отсюда не скоро?

– Рубашечка у тебя вроде моего размера? Махнемся? – И, не дожидаясь ответа, парень начал расстегивать свою застиранную сорочку. – Ну, ты чего? – нехорошо усмехнулся он, глядя на неподвижного Виталика. – Снимай, меняться будем.

– Но я не хочу меняться, – удивился Манаков. – Зачем?

– Ты чего? – в свою очередь удивился парень и протянул растопыренную пятерню, намереваясь мазнуть ею по лицу Виталика.

Тот уклонился, резко отбив руку парня в сторону:

– Не лезь!

Первый удар парня Манаков парировал, закрывшись локтем, и по привычке ударил в ответ – когда-то, еще в школе, он ходил в секцию бокса, а потом не избежал модного увлечения карате. Не ожидавший отпора парень осел на пол, прижав руки к животу.

– Ну, погоди, сука, – просипел он, пытаясь подняться.

– Брось, Моня, – лениво остановил его кто-то, лежавший на нарах. – Вернется Юрист, разберемся. А ты, новенький, иди на место.

Виталик послушно уселся на краешек нар, раздумывая над тем, как мерзко начинается новая полоса в его жизни. Не успев перешагнуть порог тесной, переполненной людьми камеры, где ему предстоит ждать суда, он уже вступил в конфликт с ее обитателями. И кто этот Юрист, что за человек, откуда он должен вернуться и когда?

Парень, предложивший обменяться рубашками, поднялся с пола и забрался на нары, стараясь не глядеть в сторону Манакова. Придя в себя после неожиданной стычки, Виталий принялся разглядывать сокамерников. В камере на четверых сидело семеро. Двое пожилых людей, тощий и толстый в очках, похожий на шеф-повара. Тощий – с редкими волосами, в мятом

синем костюме и полосатой рубаше с расстегнутым воротом, открывавшим морщинистую, как у черепахи, шею. Галстуки, шнуры, ремни и подтяжки отбирали, как и часы, зажигалки, документы, деньги, перочинные ножи и многое другое, о чем вольный человек даже не задумывается, таская подобную мелочь в карманах. Даже ботинки на каблуках, из которых можно извлечь супинаторы, отбирают и дают старые резиновые сапоги с обрезанными голенищами.

Молодых в камере трое, не считая самого Манакова. Один – тот самый парень, с которым он успел подражаться, второй – патлатый мужик в линялой футболке и рваных джинсах, дрыхнувший на нарах, третий – с татуировками на мускулистых руках и начинавшими отрастать щегольскими усиками на сухом загорелом лице, – усевшись за столом, читал газету.

Снова лязгнул замок, и в камеру вошел средних лет человек в вельветовом костюме. Растирая запястья от намявших их браслетов наручников, он сел напротив татуированного и кивком подозвал к себе Виталия. Тот подошел, поняв, что вернулся Юрист.

– Новенький? Статья?

– Восемьдесят восьмая, – запомнив первый урок, ответил Манаков.

– Куришь?

Виталик достал пачку «Мальборо» и протянул ее человеку в вельветовом костюме.

– О! – Взяв пачку, тот провел ею около своего носа, жадно втягивая широкими ноздрями аромат хорошего табака. – Богатые! Еще пришлют?

– Не знаю, если разрешат, – пожал плечами Манаков.

– С Монею подрался, – складывая газету, буднично сообщил татуированный. – Отказался от менки. Определили место у параша.

Юрист окинул Манакова изучающим взглядом, отметив тщательно скрываемую растерянность, напряженное ожидание и в то же время жажду общения, поддержки. В глазах новенького затаился страх, мелкий, подленький, – страх одиночки перед уже успевшей сложиться в камере общностью людей, совершенно ему незнакомых и черт знает на что способных.

– Зря, – доставая из пачки сигарету, усмехнулся Юрист. – Парень, по всему видно, свой. Как тебя зовут? Виталий? Можно без отчества, здесь не дипломатический раут, к моему глубокому сожалению. Но раз уж судьбина забросила нас сюда, приходится мириться. Моне дашь из передатки что-нибудь получше и курева, а то у него здесь ни одного кореша нет, да и родни не осталось, некому прислать. На этом будем считать инцидент исчерпанным, а у параша ляжет наш старикан. Ему все равно завтра-послезавтра на судилище, потом в собачник и по этапу. Все!

Обитатели камеры молча выслушали своего старшего и освободили Манакову место в середине нар. Тощий пожилой человек с морщинистой шеей безропотно переместился к параше...

Потянулись долгие тюремные дни, полные вынужденного безделья и мучительной неизвестности, прерываемой вызовами на допросы к следователю. Там Манаков узнал, что Зозуля давно был на примете у милиционеров и его все равно бы арестовали, но тут в поле зрения органов, на свое несчастье, попал и Виталик. Ну как не вспомнить предостережение зятя – Мишки Котенева – и не выругать себя последними словами за то, что вовремя не прислушался? Хотя чего уж теперь? Благо сестра не забывает, и регулярно от нее поступают передачи – сало, чеснок, лук, фирменные сигареты. Все это делил Юрист в вельветовом костюме.

Постепенно Виталий привык к камерному бытию, если, конечно, к этому когда-нибудь можно привыкнуть. Но жутко давило замкнутое пространство и невозможность хоть на минуту вырваться из него, особенно когда так хочется на волю, на свежий воздух, чтобы подставить пылающий от темных дум лоб порывам ветра.

Подъем, уборка камеры, очередь к параше и умывальнику, завтрак, игра в шахматы и шашки, надоевшая болтовня с соседями по камере, каждый из которых ежедневно подолгу убеждал себя и других, что он только лишь несчастная жертва обстоятельств и нисколько не

виновен в том, что ему пытаются пришить бездушные следователи, изобретающие все новые и новые каверзы, на которые нельзя ответить, поскольку сидишь здесь, а они творят на воле все, что им заблагорассудится.

Потом обед, тянущееся, как патока, время до ужина, прием пищи – если ею можно назвать то, что шлепали из черпака в миску, – а там и отбой. Хорошо еще, научился забываться в призрачной, нарушаемой стонами и храпом тюремной темноте, а то в первые ночи никак не закрывались глаза и все ждал мести Мони – бродяги и хулигана, неизвестно зачем прикатившего в Москву из столицы всех бродяг города Ташкента, чтобы устроить здесь пьяный дебош.

Многому научился Манаков и многое узнал. Научился есть то, от чего бы раньше брезгливо отвернулся, зажимая пальцами нос; научился жить и заниматься своими делами, когда кто-то восседает на унитазах, на глазах всей камеры;

научился отбрасывать стеснение и принимать вещи такими, каковы они есть; научился молчать на допросах или изворотливо лгать следователю. И все время мучила, не давала покоя одна и та же мысль: а что же драгоценный зять, почему он не хочет ничем помочь? Ведь стоит только Виталику открыть рот, и следователь будет готов, наверняка будет готов простить ему многое за рассказы хотя бы о малой доле того, о чем даже не догадывается жена Котенева, в девичестве Манакова. Но Виталий молчал и ждал – не может же Мишка напрочь забыть о родственнике?

Узнал Манаков тоже весьма многое – как опускают в камеру, ставя человека на самую низкую ступеньку в негласной внутренней тюремной иерархии, и заставляют его делать противное природе полов и обычно вызывающее у нормальных людей чувство брезгливого неодумения. Узнал, как переводят опущенного в разряд «обиженных» и, надолго приклеивая ему этот страшный ярлык, отправляют с ним в зону. А тюремный телеграф работал без перебоев, и все знали всё и обо всех – ничего не утаить, ничего не скрыть. Узнал, как надо говорить с адвокатами и чего опасаться на допросах, как скрывать недозволенные предметы при внезапных обысках в камерах...

Менялись обитатели нар, но Юрист оставался – дело его оказалось длинным и запутанным, многоэпизодным, – с «картинками», как говорил он сам. Время от времени на него находила блажь поразглагольствовать на правовые темы, и тогда вся камера с интересом прислушивалась к суждениям старшего.

– Законодатель мудр, как любят говорить наши правоведа, – покуривая «Мальборо» Манакова, авторитетно вещал Юрист. – Это и ежику понятно: чем ближе к заду, тем ноги толще. Не скажу, что наши законники голова, но в некоторых местах они к ней приближаются. Знаете ли вы, что в проклятой царской империи суды присяжных выносили до сорока процентов оправдательных приговоров? Нет? А наши сколько? Ноль целых ноль десятых. Журналисты пишут в газетках об особых тройках времен культа. Но разве сейчас в суде не та же самая тройка? Состоящая из зависимого от властей судьи и неграмотных в правовом отношении заседателей, делающих то, что им скажут? Вот так. Адвокаты? А я отвечу – блеф! Видимость, дым, пустота. Внесут в последний день следствия свое хилое ходатайство, которое через полчаса отклонят. Они не имеют права самостоятельно собирать доказательства, истребовать документы, допрашивать свидетелей защиты и процессуально оформлять их показания, не могут обжаловать действия следователя, отклонившего ходатайства защиты или обвиняемого. А почему? Потому, что у нас процессуальные формы лишают возможности защищать интересы всех, кто участвует в процессе. В том числе и нас с вами. Вон, Манакову нашли модного адвоката, а тот только и может, что бумажки строчить да жалобно вздыхать в ответ на просьбы подзащитного. Как пить дать, впаяют Виталику срок и на суде огласят резолютивную часть определения, а само определение напишут потом. И жаловаться на то, что в законе одно, а на деле совсем другое, будет некому. Можешь, конечно, дописаться со своими жалобами аж до Верховного суда. Ну и что? Там раз в три месяца собираются солидные дяди для рассмотре-

ния протестов на судебные решения по делам. Но рассматривают до сорока дел сразу! Вылезет какой-нибудь заслуженный правовец на трибуну и, за пару минут, начнет бодро излагать другим, сладко дремлющим в креслах, суть дела, а те, открытым голосованием, решат – удовлетворять протест или нет. А никто из них самого дела в глаза не видел и никогда не увидит. О какой презумпции невиновности, позвольте вас спросить, имеет место речь здесь, в камере следственного изолятора? Вернее говорить о презумпции виновности каждого, попавшего сюда.

Манаков слушал и сокрушенно кивал – все так, кругом прав Юрист, адвокат действительно только тяжело вздыхает и репетирует речь, а судебное разбирательство неумолимо приближается. Слава богу, что теперь в зоне не добавляют срок, как в прежние, страшные времена. И на том спасибо...

Суд в памяти Виталия почти не отложился – только запомнилось заплаканное лицо сестры, сидевшей в первом ряду, почти рядом со скамьей подсудимых.

«Господи, стыд-то какой, словно ты голый на миру, – отстраненно подумал Манаков, поднимаясь со скамьи подсудимых при будничном сообщении секретаря суда: „Встать, суд идет“. – Хорошо, что здесь никто не знает нас, в зале больше просто любопытных».

Судьей была полная пожилая женщина с пучком на затылке, сжавшая в нитку удивительно тонкие губы, так не подходившие к ее круглому лицу, слегка тронутому оспой. Прежде чем сесть в судейское кресло с высокой спинкой, она тщательно расправила складки платья – строгого, темного, туго обтягивающего ее располневшую фигуру, а потом положила руки на том дела. Тускло блеснуло широкое обручальное кольцо на пухлом пальце.

Заседатели ему тоже не понравились. Слева от судьи сидел худощавый мужчина, похожий на отставного военного с рядами разноцветных орденских планок на штатском сером пиджаке. Он близоруко щурился и постоянно выставлял вперед правое ухо – видимо, то, которым лучше слышал.

Справа ерзала в кресле молоденькая девчонка с неестественно ярким румянцем на щеках – от волнения раскраснелась или судебные заседания для нее еще в новинку и она неумеренно нарумянилась?

– Слушается дело... – глуховатым голосом начала судья, и Манаков опустил голову, уставив глаза в плохо промытый пол.

Где взять силы, чтобы выдержать и вытерпеть все? А впереди еще столько, что просто страшно подумать. Всеведущий Юрист авторитетно предрек ему не меньше пяти лет на общем режиме, ну, в крайнем случае, при счастливом стечении обстоятельств и милосердии судей – три года. Великовата сумма валюты, которую Виталик добыл и передал Зозуле. Великовата, чтобы рассчитывать на короткий срок.

Ладони вспотели, и он поминутно вытирал их о брюки, а ноги почему-то начали мерзнуть, как будто по полу нестерпимо тянуло ледяным сквозняком.

Зачитывали какие-то бумаги, – с точки зрения Манакова, совершенно никчемные, – но его адвокат довольно кивал лысоватой головой, с зачесанными поперек плечи волосами, тщательно записывая нужные места в блокнот. Бездумно следя глазами за быстрым бегом его шариковой ручки по листу, Виталий вдруг почувствовал, что все происходящее отчего-то перестало волновать его – не потеют больше ладони, не мерзнут пальцы на ногах, ушла противная дрожь из тела, перестали наворачиваться на глаза слезы жалости к себе. Перегорел?

Судья вела заседание в бодром темпе, словно очень торопилась поскорее отправить Манакова в отдаленные места и освободить себя, присутствующих в зале и огромный город за его стенами от преступившего закон человека, нарушившего нормы, установленные другими людьми, как будто заранее предугадавшими, что родится на свет Виталий, повстречает

на своем жизненном пути Анатолия Терентьевича Зозулю и поддастся соблазну сорвать куш на незаконных операциях с валютой.

Речь прокурора, представлявшего обвинение, была краткой. Говорил он высоким, звонким голосом, сохраняя на лице выражение любимца учителей, всегда получающего одни пятерки и твердо вызубрившего заданный на сегодня урок. Глядя поверх голов сидящих в зале, он попросил суд назначить Манакову срок в пять лет лишения свободы.

Виталий отвечал на вопросы, особо не задумываясь над тем, как он выглядит и что говорит, правильно отвечает или делает себе только хуже. Допросили свидетелей, зачитали характеристики и объявили перерыв. Сестра рванулась к барьерчику, отделившему брата от свободных людей, и милосердные конвоиры дали ей возможность перекинуться с Виталием несколькими ничего не значащими фразами.

После перерыва заседали долго – выступал адвокат, просивший суд о снисхождении и учете положительных характеристик подсудимого. Он проникновенно говорил о целях и задачах уголовного наказания, должно помочь осужденному осознать вину и твердо встать на путь исправления.

Судья слушала адвоката с непроницаемым лицом; отставник-заседатель морщился, как от зубной боли, и слегка массировал кончиками пальцев левую сторону груди. Молоденькая заседательница прижимала ладони к щекам, и видно было, что ей тоже хочется что-то сказать, но она никак не решается.

Прокурор иронично улыбался, а сестра, по-прежнему сидевшая в первом ряду, внимала адвокату с видом неопита, слушающего проповедь обожаемого пророка, и согласно кивала при каждом патетическом пассаже. У Виталия создалось впечатление, что защитник выступает специально для нанявшей его сестры, честно отработывая гонорар, но не веря в действенность своих слов.

Суд удалился на совещание, и Манаков почувствовал себя жутко усталым и вконец опустошенным. Хотелось только одного – скорее бы все кончилось!

Приговор слушали стоя.

– Именем Российской Советской Федеративной Республики...

До чего же противный голос у судьи. Отчего она теперь совершенно перестала торопиться, хотя за окнами уже синеет вечер и нормальные люди заканчивают рабочий день? Тянет и тянет слова, будто пережевывает жвачку, стремясь отдалить момент, когда произнесет:

– ...к четырем годам лишения свободы...

– Виталик! – Сестра зарыдала и начала биться в истерике.

Манаков закаменел. В голове вертелись цифры: он пытался сосчитать, сколько же это будет дней, но никак не получалось – мешало нечто непонятное, все время отбрасывавшее его назад, к словам «четыре года лишения свободы». Полторы тысячи дней? Нет, кажется, больше. Правда, должны учесть отсидку в предварилковке, как сокамерники именовали следственный изолятор. Однако все равно ой как долго придется жить за проволокой, где свои законы и понятия о целях и задачах наказания, совершенно отличные от писанных на бумаге людьми, никогда не хлебавшими тюремной баланды...

Этап для отправки в колонию общего режима собрали на удивление быстро. Очередной медосмотр, и вот поздно вечером Манакова вывели и под конвоем доставили из пересылки на глухой, скрытый от посторонних глаз перрончик железнодорожного узла на Красной Пресне. Там уже ждали спецвагон и другой конвой. Вагон прицепили к нужному поезду, тянувшемуся по забитым составами путям ближе к Уральским горам, и осужденный Виталий Николаевич Манаков поехал к месту отбывания наказания, определенного ему народным судом.

Дорогой оказавшийся с ним в одной клетушке старый бродяга-алкоголик делился воспоминаниями об ЛТП, в которых ему довелось побывать «на лечении».

– Худо, – показывая в жалкой улыбке синеватые беззубые десны, доверительно жаловался он Виталию. – Водочки знаешь как хочется? Аж скулы сводит и дрожишь. А тебя обыскивают, жратву, какая от родни передана, силком отбирают. Голодно. Работаешь частенько по двенадцать часов, а только заерепенился, попробовал права качать, так вогнали насильно двадцать кубиков сульфазина – и «задеревенел». Не приведи господь так лечиться. Выходных, почитай, и не бывало, а вечером, того и гляди, на «продленку» погонят, то бишь на сверхурочные. Но денежек, какие ты заработал, если начальство прижало задницей картотеку и сидит на ней, и не думай потом получить!

– Но там же не тюрьма? – удивился Манаков.

– Не тюрьма, – горестно вздохнув, согласился бродяга, – однако иные ЛТП похуже будут, чем крытки.

– Чего? – не понял Виталий.

– Крытка, тюрьма значит, – с усмешкой пояснил невольный попутчик. – Ты лучше скажи, чего делать умеешь? Без рукоделия, парень, в зоне худо. Я вот, к примеру, раньше художником по металлу был, потому надеюсь и там нормально пристроиться. Чеканку отобью для клуба или начальника отряда, замполиту помогу портретики окантовать, оформить чего, стенгазетки нарисую на три года вперед. За это мене пачка чайку перепадет, сигареток дадут. Другие, кто в механике силен, машины ремонтируют начальству или другую пользу приносят.

– Ничего не умею, – отвернулся к решетке двери Манаков.

– Худо, – опять вздохнул бродяга, устраиваясь подремать. – Ломать тебя станут, парень...

В зоне опять медосмотр и неизбежный изолятор – для карантина. Холодно, голые, давно не крашенные стены, остывший суп из несвежего, вонючего сала, который хочется выплеснуть в парашу, но приходится есть, чтобы не потерять силы. Изучение правил внутреннего распорядка учреждения, тоска, бессонные ночи, заглядывающие в узкое зарешеченное оконце чужие колющие звезды на темном небе и отдаленный злобный лай сторожевых собак.

Через десять дней он попал в отряд, получил место на двухъярусных нарах и «прописку» – ночью потихоньку вставили между пальцев ног скрученные жгутиками бумажки и подожгли, устраивая новичку «велосипед».

Вскоре его зачислили в разряд «мужиков», покорно тянувших лямку и не примыкающих ни к активу – группе осужденных, входивших в секцию профилактики правопорядка, ни к верховодившим в отряде «культурным мальчикам» – крепким ребятам, с накачанными мышцами, исповедовавшим культ грубой физической силы. Все теплые места – в каптерке, банщиком, нарядчиком – были захвачены ими, и зачастую офицеры прислушивались к мнению этой группы, своими методами помогавшей им держать отряд в повиновении. И вообще, отрядные офицеры с осужденными старались почти не общаться, опираясь на бригадиров и завхозов. Не общались до тех пор, пока осужденный не совершит проступка, а тогда, в наказание, шизо – штрафной изолятор, или ПКТ – помещение камерного типа. Близкие к начальству не забывали выдвинуть себя на доску передовиков, что казалось Манакову жутким извращением и кощунством – зона, осуждение и вдруг Доска почета? – внести свои фамилии в список на поощрение, получение разрешений на свидания.

Посылки, приходившие от сестры, как правило, отбирали «мальчишки», но Виталий не старался что-либо утаить и не пытался вступить с ними в конфликт – он видел, как опускают ночью непокорных, ломают их, заставляют выполнять норму за себя, принуждают к гомосексуализму. Однако нервы начали сдавать, и он понимал, что может не выдержать, сорваться, и тогда неизвестно, как повернется дальше судьба. Что же делать?

Оставалась единственная надежда на сестру – она может уговорить, умастить своего муженька, а у того есть связи и знакомства с нужными людьми, они должны и могут хоть чем-то помочь – перевести на хорошее место, замолвить слово перед начальством. Но как дать знать сестре, как попросить ее о помощи?

Начинаешь в редкие свободные минуты писать письма, а карандаш вертится в пальцах и в голове неотступно сидит мысль о том, что все твои послания пройдут через чужие руки, их прочтут чужие глаза, да и скажешь ли все в письме? Получить свидание? Практически несбыточная мечта.

Но ведь он смолчал, ни разу ничего даже краем не вякнул о Мишке, – «никого не взял с собой», как говорят в зоне. Неужели Котенев этого не оценит? Где же выход?

В производственной зоне он долго присматривался к Вороне – Гришке Анашкину, прозванному так за разлапистую походку, напоминавшую походочку помойной птички-санитара. У Гришки уже начали отрастать волосы – через месячишко выйдет на свободу, вдохнет воздух воли и вернется в Москву. Статья у него не слишком тяжкая – угон транспорта, – дадут прописку.

Конечно, Анашкин не сахар – груб, хамоват, может ради развлечения и «куму» настучать – «кумом» называли начальника оперативной части, – с Вороны станется, но раньше его никто из зоны не выйдет, по крайней мере из их отряда. А в других отрядах знакомых нет. Рискнуть?

Анашкин знает с контролерами – те втихую снабжают его чаем, из которого при помощи тщательно скрывааемых от чужого глаза самодельных кипятильников варят чифирь. С воли иногда тоже «подпитывают», перебрасывая через забор зоны грелки с вином – не просто так ведь это делают? А Гришка и здесь на одной из первых ролей. Но кому еще довериться, а ждать и жить без надежды больше просто нет сил.

Решиться на разговор Манаков смог только через неделю. В производственной зоне, где заключенные изготавливали ящики для упаковки каких-то деталей, он долго ждал подходящего момента – сначала мастер вертелся поблизости, потом Анашкин отходил или не вовремя появлялся контролер. Наконец, улучив момент, Виталий подошел к Вороне.

– Есть разговор, – встав за его спиной, негромко произнес он.

– Ко мне? – Григорий чуть повернул голову и недоуменно поглядел на Манакова. Но тем не менее отложил приготовленную к распиловке доску и, не выключая циркулярки, отошел в сторону, знаком пригласив Виталия следовать за собой. – Чего тебе?

– В Москву поедешь?

– Ну? – Ворона склонил голову набок, пытаясь уяснить, куда гнет Виталий. – Говори, чего надо? Короче давай.

– Хочу попросить об услуге. Надо позвонить одному человеку и, если удастся, встретиться с ним.

– Зачем? – Анашкин заинтересовался, достал сигареты и даже угостил Виталия, чего раньше никогда не делал.

– Расскажи ему, как прекрасно живется в нашем санатории, – грустно усмехнулся Манаков. – Он должен мне помочь.

– Вона, – ощерился Гришка. – Ну, во-первых, ничего не делается «за спасибо». Осознал? А во-вторых, этот твой друг свободно может послать меня по известному адресу.

– Не пошлет. – Раздосадованный таким поворотом разговора, Виталий ухватил за рукав черной робы хотевшего уйти Гришку. – Не пошлет, – убеждая себя и собеседника, повторил он. – Скажи ему, что я никого не взял с собой, хотя мог это сделать. И тебе этот человек заплатит за все хлопоты.

– Сколько? – быстро спросил Анашкин.

– Много, – прикрыл глаза Манаков. Он блефовал, не зная, как отреагирует на неожиданный телефонный звонок Мишка Котенев, но что еще остается делать в таком положении?

Ворона задумчиво курил, выпуская дым из ноздрей, и, казалось, совсем забыл о стоявшем рядом с ним Виталии. Наконец Анашкин бросил в жестяную урну окурков и поглядел Манакову прямо в глаза:

– Так ты говоришь, хорошо заплатят?

– Да! Главное, позвонить и сделать все так, как я прошу, – многозначительно понизил голос Виталий. На Гришку должно подействовать, ум у него недалекий, но зато жаден без меры.

– Записывать телефон нельзя, – задумчиво протянул Анашкин, – обшмонать могут. Найдут бумажку, и все пропало. Давай говори, попробую запомнить...

В очередь на обыск при выходе из производственной зоны – контролеры искали запрещенные предметы, опасаясь, чтобы кто-нибудь из осужденных не пронес с собой заточенную отвертку или нечто подобное для использования в ночных разборках, происходивших время от времени в бараках, – Манаков специально встал за Вороной.

Уставив глаза в немытую шею Анашкина с рельефно выступающими позвонками, он думал, правильно ли поступил, доверившись ему. А что, собственно, еще остается делать, кроме как доверяться? Ждать? Чего ждать? Пока люди и обстоятельства тебя здесь окончательно превратят в скота, заставив навсегда потерять последние остатки самоуважения? Или ждать, когда «мальчики» переведут тебя в разряд «обиженных», сломают или доведут до последней стадии отчаяния? Ждать этого? Или ждать, когда будет освобождаться другой, более приличный человек?

«Приличный, – горько усмехнулся в ответ на свои мысли Виталий. – Оглянись вокруг, идеалист! Где здесь приличные люди, где? Все, в том числе и ты сам, названы самым гуманным в мире судом преступниками. Один украл, другой угнал чужой автомобиль, что в общем-то равносильно хищению, но, по непонятным причинам, отнесено законом, вернее людьми, написавшими этот закон, к „завладению чужим транспортом без цели хищения“. Хотя какая разница владельцу автомобиля, если его родных колес нет на месте? Сзади сопит хулиган, именуемый на жаргоне бакланом, искупавшийся голым в фонтане на центральной площади города, за ним в очереди на обыск стоит пьяница-дебошир, надевший на голову соседу помойное ведро. Хочешь отыскать среди них приличного, по твоим понятиям, человека и довериться ему? Нет уж, если и ждать, то только ответа с воли, когда проклятый Анашкин доберется наконец-то до Москвы и позвонит Котеневу».

Пройдя уже ставшую привычной процедуру обыска, когда по тебе настырно шарят чужие, сноровистые, как у профессионального карманника, руки, Виталик вышел из производственной зоны.

Теперь каждый из них с нетерпением будет считать дни, часы и даже минуты, остающиеся до освобождения. И неизвестно, чье нетерпение в этом тягостном ожидании будет сильнее – Гришки или его, Виталия? Но страшит, что потом потянутся еще более тягостные дни ожидания и неизвестности – кто даст гарантию, что Ворона опять не «залетит», еще не добравшись до родного города? От него можно всякого ожидать, а ты, сидя здесь, не узнаешь ничего. Будешь ночами кусать тощую подушку, орошая ее слезами бессилия, и мычать от тоски, как тот бычок, которого тащили на веревке два удивительно похожих друг на друга мужика, чтобы привязать к деревцу и ахнуть обухом топора в лоб, прямо между молодых, упрямо торчащих рожек.

Нет, гнать от себя такие мысли, а то не выдержишь и сплетишь себе втихую удавочку, навсегда рассчитавшись с белым светом. Попробуем каждый день уверять себя, что Ворона обязательно доберется до Москвы, нигде не напьется и не уворует, не сядет, не забудет номер телефона и позвонит Мишке.

Черт, а если он не позвонит в первый день по приезде? Надо улучшить момент, напомнить ему номер телефона и попросить позвонить не откладывая.

Шагая в строю других заключенных, одетых в одинаковые черные робы, к бараку отряда, Манаков загадал – если число шагов до дверей барака окажется четным, то Ворона обязательно позвонит. Специально подгадать невозможно – смотреть вперед мешают спины других заключенных, и не изменишь шага. Итак, раз, два, три, четыре...

До дверей барака оставалось ровно тридцать пять шагов.

В ночь перед освобождением Анашкин не сомкнул глаз. Уже отдана приятелю новенькая роба – отдана без сожаления, с облегчением и даже некоей щедростью. Уже почти со всеми обо всем переговорено, и не по одному разу, во всех подробностях обсуждено, что выпить на воле и чем закусить, как лучше ехать, какие сигареты курить, какого фасона и цвета справить брюки и какую завести себе бабу. Даже придурок Манаков несколько раз напомнил номерок телефона, который Григорий и так накрепко запомнил – авось пригодится когда, ведь жизнь – штука круглая: сегодня ты пан и при деньгах, а завтра гуляешь босиком и до смерти рад любой подачке.

Нет, все, кончится завтра этот кошмар, когда на улице минус тридцать, а в производственной зоне гуляют злые сквозняки, но санчасть не освобождает от работы без температуры в тридцать восемь и ни одного санинструктора в отряде. Перестанут тебе делать замечания за плохое пение в хоре, да еще и материть при этом. Брань, конечно, на ворота не виснет, а петь он с детства не умеет – медведь на ухо наступил и до сей поры с него не слезает. Но кого это интересует здесь? Отрядного, капитана Михалева? Черта с два!

Прощайте принудительная утренняя гимнастика в любую погоду, хождение строем, никогда не открывающиеся одновременно двери, хмурые контролеры, зануда замполит, хитроватый «кум»-оперативник, недоступный начальник колонии, соседи по бараку, обрыдшие нары и въевшийся до печенок запах свежих стружек в производственной зоне. Так и чудится, что целыми днями не ящики там сколачиваешь, а ладишь коробочку для себя.

До утра Анашкин пил чифирь с приятелями и говорил, говорил без умолку – не так, как для потехи заставляют по ночам говорить разных додиков в бараке, принуждая рассказывать во всех подробностях о связях с женщинами, – а говорил, хмелея от собственных речей и близости желанной свободы, должной прийти к нему с восходом солнца. О томительных часах, которые отнимут последние формальности, не хотелось думать – потерпим, дольше ждал. Он чувствовал себя невообразимо сильным и огромным от распивавшего его счастья и снисходительно поглядывал на остающихся здесь – в зоне, бараке, утром идущих строем сколачивать ящики в мастерских. Пусть завидуют ему, так же как он недавно завидовал другим, справлявшим праздник своей последней ночи в зоне, если, конечно, это тайное пиршество можно назвать праздником и проводами. Он теперь выше всех, остающихся здесь, он отбыл свой срок и выйдет завтра за ворота в вольный мир и станет хозяином самому себе – иди, куда заблагорассудится, и не опасайся, что окликнет контролер или лязгнет затвором охранник на вышке...

Утром – чуть пошатывающийся от усталости, моргая красными, воспаленными глазами, – Григорий пришел в сопровождении контролера в клуб. Наступал момент переодевания в цивильную одежду.

Ботинки за период долгого хранения на складе ссохлись и немилосердно жали. Анашкин зло выматерился сквозь зубы – не могли там, олухи, смазать вазелином, что ли, все одно сидят без дела, так хоть о других бы подумали. Пока в этой обутке дошкандыбаешь до станции, все пятки сотрешь, но не оставайся же в разбитой и опротивевшей лагерной обуви?

Обувшись, он потоптался на одном месте и, пройдясь туда-сюда по залу, между рядов стульев, решил – сойдет. Брюки нормальные, только слегка помяты, воротник рубашки можно не застегивать, сверху натянет пуловер, куртку под мышку и пошел.

Провели к начальнику колонии. Он подал Анашкину руку, предложил присесть и сухо осведомился о планах на будущее.

Опустив голову и глядя в пол, чтобы не встречаться взглядом с начальником – средних лет седоватым майором, – Григорий буркнул, что намерен поехать домой, в Москву. Там у него из родни есть тетка. Да, конечно, гражданин начальник может ни минуты не сомневаться – сразу по приезде Анашкин отправится в отделение милиции и подаст документы на прописку, на получение паспорта и, как только получит заветную красную книжицу, тотчас пойдет устраиваться на работу. Даже раньше пойдет, еще до получения паспорта, чтобы найти подходящее

место. И урок, полученный по собственной глупости, приведшей его сюда, он тоже никогда не забудет. Гражданин начальник может и в этом нисколько не сомневаться – на свободу с чистой совестью.

Сказав это, Гришка понял, что несколько переборшил – майор недовольно поджал губы, и его лицо приняло отчужденно-замкнутое выражение.

– Не паясничайте, Анашкин, – вздохнул майор, – вам теперь действительно надо хорошенько подумать, как жить дальше.

Потом майор долго распространялся, наставляя выходящего на свободу осужденного на истинный путь. Ворона тербил лежавшую на коленях свернутую куртку и молча слушал, в нужных местах привычно кивая в знак согласия. Надоело все до тошноты, но куда денешься?

Наконец распрощались. С чувством облегчения пожав сухую ладонь майора, Анашкин отправился в канцелярию – получать билеты и деньги на дорогу. Там же предстояла и другая приятная процедура – оформление перевода заработанных в зоне денег на книжку в Сбербанк по месту будущей прописки.

«Общаксовой кассы» – подпольного банка осужденных, создаваемого в целях оказания помощи освобождающимся и поддержания заключенных, – в зоне не было: администрация твердо следила за тем, чтобы не позволить возродить старые воровские традиции. Поэтому деньги – это дело, на первое время хватит, чтобы выпить и одеться поприличнее.

Нервный холодок нетерпения начал щекотать Гришку под ложечкой, вдруг нестерпимо захотелось почесаться, словно все тело искусано клопами или проклятым гнусом, – сколько держался, а на последних минутах перед волей не сдюжил, распустился, как только подумал о деньгах. С усилием заставив себя унять желание рвануть к воротам и заколотить кулаками по глухим створкам, чтобы скорее открыли и выпустили отсюда, Анашкин обреченно вздохнул и поплелся в канцелярию.

Но вот и эта часть процедуры закончена. Теперь выйдет отсюда уже не гражданин, а товарищ Анашкин, имеющий право избирать и быть избранным, вновь располагающий собой по собственному усмотрению и вольный принимать любые решения в отношении будущности бытия в кругу таких же свободных товарищей, живущих вне зон, ограниченных проволокой и решетками, вышками и контролерами, бараками и отрядными офицерами.

Выводил его к проходной отрядный – капитан Михалев, – донельзя опротивевший Гришке за время отбывания срока. Но провожатых к свободе здесь не выбирают, и пусть капитан будет тем, кто откроет заветные ворота в рай. Может, в этом и есть высшая правда, что именно он и останется последним напоминанием о зоне и долгих годах, проведенных здесь?

Капитан шагал к проходной неспешно, поскрипывая разношенными сапогами, в которых ходил зимой и летом. Шагал, сохраняя на лице невозмутимое выражение, и, только дойдя до первой, внутренней двери проходной, обернулся и выдавил из себя скупую улыбку:

– Все, Анашкин. Прощаемся. Надеюсь, навсегда?

– Все, – согласился Григорий, чувствуя, как мелкими иголочками закололо в ступнях и вдруг ослабли колени. Сейчас шаг за порог проходной, хлопок двери за спиной, потом паратройка шагов, и откроется другая дверь, а за ней иной мир.

В душе он пожелал капитану того, о чем не мог сказать вслух, но душа требовала, и он, хотя бы мысленно, выдал Михалеву все то, что о нем думает. Хорошо еще, отрядный не экстрасенс, о каких пишут теперь в газетках, и не умеет читать чужие мысли. Правда, заметив какую-то тень, мелькнувшую в глазах Анашкина, капитан на мгновение задержал его руку в своей, и это мгновение показалось Вороне вечностью.

– Все, – повторил Михалев и открыл дверь проходной, предупредительно пропуская Григория к свободе.

Последняя мелкая формальность, и открылась другая дверь. Прищурившись, как от яркого солнечного света, Анашкин шагнул за порог и остановился на крылечке перед тремя

щербатыми ступеньками, не решаясь спуститься по ним. Какой он будет, его первый шаг по вольной земле?

Колония размещалась на окраине городка, почти у шоссе. По нему катили грузовики, легковушки, панелевозы; на покрытых пылью обочинах пучками торчала рыжеватая, жесткая, успевшая слегка пожухнуть трава. Серый асфальт лентой уходил на мостик, сторбившийся над железнодорожными путями.

Сглотнув тугой ком, застрявший в горле, Анашкин сделал первый шаг, спустился по ступенькам и, не чувствуя под собою ног, пошел по обочине шоссе к мосту.

Голова казалась светлой, легкой и пустой до звона, ласкали глаз облезлые перила моста, давно не крашенные мачты освещения, проносившиеся мимо запыленные машины и змеившиеся внизу рельсы путей, по которым скоро покатит поезд к Москве. Интересно, есть ли в этом поезде вагон-ресторан?..

Глава 3

Ужинали, как всегда, вдвоем. Приняв предупредительно и заботливо поданную женой тарелку, Михаил Павлович благодарно кивнул и, не отрываясь от газеты, начал есть тушеное мясо. Лида положила себе и уселась напротив.

– Ты бы хоть дома поел спокойно, – попросила она.

– Да. – Котенев раздраженно отбросил газетный лист. – Пишут, пишут... Опять собираются в новую арктическую экспедицию. А кто, позвольте спросить, оплачивает никому не нужные лыжные походы к полюсу, когда в стране не хватает самых элементарных вещей? Очередные рецидивы болезни гигантомании.

Лида не ответила. Встала, подошла к плите и налила мужу чай – Михаил Павлович не любил горячий, считая, что это весьма вредно. Конечно, муж, как всегда, прав – плохо в детских домах, плохо с продуктами... Устанешь перечислять, с чем плохо. Но если не разрешать ходить к Северному полюсу, то чем тогда заниматься тем, кто туда ходит и получает за это деньги и награды?

При мысли о детских домах болезненно сжалось сердце. Сколько она уже лежала в разных больницах, сколько пролила горьких слез, скрывая их от мужа, сколько переплатила денег врачам, кандидатам наук и профессорам, сколько сделала дорогих подарков знахарям и знахаркам, а в доме по-прежнему холодно и пусто без детского смеха. И оба они стареют, никто и никогда не вернет им молодости – ни Мише, ни ей.

Почему Михаил так отрицательно относится к идее усыновить детдомовского ребенка или взять на воспитание малютку? Господи, она умолила бы любые строгие комиссии, умаслила их, завалила подарками, одела в самые роскошные одежды и обула так, как им и не снилось, – только дайте ей прижимать к сердцу теплый, пахнущий молоком комочек, дайте слышать рядом с собой тихое детское дыхание! Но муж как отрубил – только свои, денег не жалеет! Уж она ли жалела? И вместе они уже ходили по врачам, выслушав страшный приговор – Михаил здоров, а она больна.

Как ее Миша был заботлив и предупредителен, как убивался, сколько сил приложил, чтобы помочь, – всех друзей и знакомых поднял на ноги, подключил все связи, чтобы она могла попасть к выдающимся светилам на консультации, лечь для лечения в закрытые клиники, летать к легендарным знахарям, но все оказалось впустую. Тлела еще надежда, поскольку без нее не может жить человек и чахнет от горя, слабеет перед невзгодами, но постепенно Котенев как-то успокоился, замкнулся в себе, практически перестал говорить на темы о детях, и все отчетливее засквозил между ними пока едва заметный холодок отчуждения. Но разве любящая женщина не сможет уловить начало конца по мимолетному взгляду, движению руки,

ласкающему ее тело не так, как раньше, а привычно-равнодушно выполняя супружескую обязанность, делающуюся все более тягостной.

А еще сидит занозой другая боль, свившая себе гнездо в душе, – брат Виталий. Случившееся с ним Лида считала трагическим стечением обстоятельств и не могла примириться с услышанным на суде – нет, ее брат не такой!

Все попытки уговорить мужа помочь, попросить друзей вступиться, понять, что Виталик ей не только младший брат, что она перенесла на него, как и на Мишу, всю свою, не растраченную материнством, любовь, заканчивались неудачей. Котенев занял жесткую позицию: он отмалчивался, мягко отнекивался, а когда Лида начинала проявлять настойчивость и доставала его, стремился под любым предлогом закончить неприятный разговор.

Глядя, как Михаил, зажав в выхолонных пальцах тонкую позолоченную ложечку, мешая в чашке чай, Лида сказала:

– Вчера Виталик письмо прислал, – сказала и напряглась, ожидая ответной реакции мужа.

К ее удивлению, он воспринял начало очередного разговора достаточно спокойно.

– Что же он пишет из отдаленных мест? – опять подтягивая к себе газету, иронично хмыкнул Котенев. – Дают ему наконец свидание? Поедешь? Только скажи заранее, я позвоню, закажу билеты, а то потом не выберешься из этой глуши или придется тащиться на каком-нибудь скотовозе, в грязи и холоде.

– Нет, свидания ему по-прежнему не дают. – Лида почувствовала, что начинает заводиться: почему Михаил ерничает? Вот цена его благодушия – насмешка! Он насмехается над ней, над несчастным Виталием. Какая жестокость. Неужели нельзя наконец понять другого человека, принять, как свои, его страдания? Не чужой же ему Виталик, в конце концов?! – Я столько раз тебя просила, умоляла, – губы ее начали кривиться и дрожать, хотя она старалась сдерживаться, но его насмешливое равнодушие выбивало из колеи, – неужели ты не можешь ему помочь? Или не хочешь? Даже церковников пускают в больницы и тюрьмы, проявлять милосердие к несчастным...

– Ну-ну, этого еще не хватало. – Котенев отодвинул чашку и нахмурился. – Перестань реветь, слышишь?

Лида отвернулась, вытащила из кармана фартучка платок и промокнула глаза. Может быть, слезы помогут разжалобить Мишу и добиться своего?

Муж встал из-за стола, прошелся по кухне, заложив руки за спину. Остановившись за стулом жены, положил ладони на ее вздрагивающие плечи:

– Ну, перестань, Лидушка, полно. Я всегда ему твердил, что надо быть порядочным человеком.

– Ты же знаешь, Миша, он не виноват. – Она слегка потерлась щекой о его руку, и Котенев почувствовал, как на тыльную сторону ладони упала горячая слезинка.

Лида снова прерывисто всхлипнула и подняла к нему зареванное лицо с потеками туши на щеках. Котенев досадливо поморщился и убрал руки, украдкой вытерев то место, куда упала слезинка, о пижамную куртку.

– Ну, знаешь ли, – он опять начал мерить кухню шагами, – связаться с валютой?! Извини, но зачем надо было шастать по городу, добывать эти грязные бумажки, чтобы перепродать их неизвестно кому, какому-то Зозуле... Впрочем, теперь известно – такому же нечистоplotному проходимцу, только иной породы.

– Как ты можешь, Миша? – С ужасом глядя на него, Лида прижала кончики пальцев к вискам. – Миша!

– Что Миша? – упревая кулаки в бока, остановился напротив нее муж. – Что? Снова начинается сказка про белого бычка? Сколько раз мы с тобой уже говорили об этом, а? Твой братец опозорил всю родню! С какими глазами я должен отправляться к солидным людям на поклон и

просить за него, тем более сейчас, в наше-то время? Что я скажу? Что мой близкий родственник, брат моей жены, в *тюрьме*?! Это я им скажу, да? Ты вообще соображаешь или нет?

– Ну, Миша, не говори со мной так, пожалуйста.

– Ага, не говори, – распалился Котенев. – Ты, наверное, плохо понимаешь, на что хочешь меня толкнуть? Я должен трепать свое честное имя, заработанное долгими годами, поставив его рядом с именем осужденного преступника? Да, именно преступника. Как я буду выглядеть в глазах тех, кого стану просить?

– Не смей так говорить о моем брате! – тонко вскрикнула Лида. – Слышишь? Не смей! Он просто несчастный человек!

– Вот как? – издевательски поклонился Котенев и шутовски развел руками. – Бедненький, несчастненький... Кто еще там, черт бы их?

Он быстро подошел к зазвонившему телефону и, сняв трубку, рявкнул:

– Да! – бросив трубку на рычаги, повернулся к жене: – Звонят из ЖЭКа, спрашивают, есть ли у нас горячая вода. Нет, ей-богу, страна дураков. Это я им, оказывается, должен сообщить: нет у меня воды или она есть.

Сунув руку за отворот пижамы, он начал массировать левую сторону груди, плаксиво сморщив полнощекое лицо.

– Пойми, я не могу, – тихо сказал Михаил Павлович. – Не могу поставить себя в ложное положение, понимаешь? У меня ответственный пост, я долго и тяжело работал, чтобы добиться такого положения в обществе, и теперь вдруг всем станет известно, что мой родственник – валютчик. Да о его художествах надо молчать в тряпочку и не высовываться. Я же ни разу не возражал против посылок? Посылай, пожалуйста, хоть каждый день посылай, отправляй все: икру, кофе, сигареты, туалетную бумагу, наконец. Но просить – уволь!

– Миша, я готова на коленях умолять. Ты мне только скажи, кто сможет решить все, как надо, я сама...

– Прекрати, – зашипел Котенев, тяжело опускаясь на стул. – Я запрещаю тебе говорить на эту тему. Могу я хотя бы дома иметь покой? Или мне превратить собственную кухню в филиал приемной Верховного суда? Хватит!

Он звонко хлопнул ладонью по столу и, вскочив, ушел. Сидя за столом, Лида слышала, как скрипнули дверцы платяного шкафа – Михаил одевался. Значит, сейчас опять уйдет и будет пропадать где-то до утра. Боже, нет никаких сил больше, но и остановить его нет сил. Куда ей идти, кому поплакаться и, самое главное, что она такое без своего всесильного мужа? Образования нет, зарплата мизерная, на приличное место устроил ее опять же он, а теперь и возраст такой, что думать о создании новой семьи просто смешно.

Не сказав жене ни слова, Котенев оделся и вышел из квартиры. К чертям, надоело! Разрыв вполне назрел, и его только приближают бесконечные скандалы, слезы, просьбы за брата-дурака, вляпавшегося в историю с валютой. Михаил Павлович и без того пережил массу неприятностей с этим делом и сто тысяч раз ругал себя последними словами, что хотя бы краем позволил заглянуть Виталию в собственные дела – стоило тому только чуть приоткрыть рот на следствии и... Обошлось, слава богу, сообразил, дубина, что лучше сидеть за меньшее. А ведь пригравал его Котенев не просто так. Думал: родственник, шустрый малый, надеяться можно.

Спустившись вниз, Михаил Павлович сел в машину, включил мотор, чтобы немного прогреть его, и закурил. Сейчас, наверное, его супруга рыдает на кухне, уронив голову на стол и воображая себя чуть ли не Марией Стюарт. Нет, к черту!

Отъехав от дома, притормозил у первого телефона-автомата и набрал знакомый номер. Долгие гудки, потом щелчок:

– Алло?

– Танечка? – ласково сказал Михаил Павлович. – Я сейчас буду, минут через двадцать...

Знакомство Котенева с Татьяной Васильевной Ставич состоялось совершенно случайно – бывает так, что судьба долго готовится свести вместе двух людей, но все никак не решается и даже сама ставит им преграды, разводя их в стороны, а потом вдруг наступает момент, когда промедление уже смерти подобно и каждый, если не встретит другого, пойдет по иному пути.

Отправляясь на очередное совещание к смежникам, Михаил Павлович не предполагал, что в этот день в его личной жизни произойдут определенные изменения, со временем приобретшие характер необратимых. Он тогда вообще мало задумывался над подобными проблемами – молодая, привлекательная жена, еще не успевшая стать привычной и волновавшая его как мужчину, не давала пока повода задуматься над необходимостью заводить интрижки. Нет, Котенев отнюдь не слыл праведником, но все проходило как-то так, не трогая сердце и оставляя лишь недолгие приятные воспоминания, быстро вытеснявшиеся Лидой, его Лидушкой – неизменно очаровательной, заботливой хозяйкой и любящей женой.

Когда ему представили Татьяну Ставич – нового экономиста у смежников, – Михаил Павлович только скользнул по ее лицу равнодушно-приветливым взглядом и одарил молодую женщину дежурной улыбкой. И тут же забыл о ней, вежливо кивнув и отойдя для разговора с главным инженером.

Второй раз они встретились тоже по делу – Котенев приехал отстаивать неотъемлемые права своего объединения.

Директор пригласил для разговора главного инженера и начальника планового отдела, вместе с которым пришла Татьяна Васильевна. Сидя напротив нее за широким и длинным столом в директорском кабинете, Михаил Павлович получил возможность приглядеться к новому экономисту – высокая грудь, красивые глаза, умело наложенный грим. Неброская, но очень привлекательная, уютная и располагающая к себе женщина. Когда Ставич выходила, чтобы принести необходимые документы, Котенев успел убедиться, что и ноги у нее высший класс. И тут же вспомнил присказку давнего приятеля, философски рассуждавшего: если вижу красивую бабу, думаю: почему не моя, а когда станет моей, не дает покоя другая мысль: зачем она мне?

Действительно, зачем она Михаилу Павловичу? Ставич явно не из тех, кто готов на недолгие, ни к чему не обязывающие связи. Она не станет благосклонно принимать подарки-откупы при расставании, а потом шарить вокруг глазами в поисках нового достойного приключения, способного принести шубку, цветной телевизор или нечто подобное – хотя бы продвижение по службе или теплое местечко. Нет, она явно не из таких, и надо ли топтаться вокруг в брачном танце, как мальчишка? Слава богу, пятый десяток разменял, повидал кое-чего в жизни. Но отчего же тянет к ней и хочется ощутить ее ладонь на своей щеке, зарыться носом в пушистые волосы, прижать к себе, чувствуя, как податливо-упруго изгибается стройное тело?

После совещания он специально завел разговор, позволивший Ставич задержаться и принять в нем участие. Почему-то не хотелось, чтобы она ушла, исчезла за высокими дверями кабинета, обитыми коричневым дерматином.

Месяц или два они не виделись – не было причин ездить к смежникам, и все ограничилось телефонными звонками.

Когда Лиду в очередной раз положили в больницу на обследование, Котенев промаялся несколько дней, потом решил и набрал номер служебного телефона Татьяны Васильевны. Растягивая слова, сбиваясь и ругая себя за нерешительность, Михаил Павлович пригласил ее поужинать. К его удивлению, она согласилась.

В ресторане он сунул метру четвертную и получил столик на двоих, заказал ужин и, неожиданно для себя, начал выкладывать Ставич все как на духу – про неудачную женитьбу в молодости, долгое одиночество, счастливо обретенную Лиду и про ее ужасную болезнь, лишившую его последней надежды иметь детей.

Татьяна слушала не перебивая. Не кокетничала, не строила из себя черт знает что, а приняла его исповедь просто и естественно, словно они были старыми добрыми знакомыми или случайными попутчиками, доверившими друг другу самое сокровенное в полной уверенности, что оно не пойдет дальше гулять по свету. Она тоже рассказала о себе: недолгое и неудачное замужество, детей не было, разменялись и живет теперь одна, в новом районе. Сама родом не из Москвы, дома остались родители, и вообще, ее жизнь как у среднестатистической Марии Ивановны.

– Почему Марии Ивановны? – не понял Котенев.

Михаил Павлович после ужина отвез Ставич домой, вернулся к себе и долго курил, сидя на кухне, – какие бесы толкают его в пропасть страстей и как понять самого себя: неужели он любит одновременно двух женщин? Бывает ли такое, чтобы влекло к жене, прошибала слеза от умильной жалости к ней, чтобы хотелось ее успокоить, приласкать и в то же время чтобы в крови полыхал пожар при виде другой женщины, везде мерещилась она и приходила к тебе во сне? Чтобы желал слышать ее голос и упивался им, не вникая в суть произносимых слов, чтобы перед мысленным взором везде и всюду она – ее руки, губы, волосы?..

После того вечера они начали встречаться, тщательно скрывая это от всех. Через год Татьяна родила ему дочь. Михаил Павлович зарегистрировал ребенка на свою фамилию, но настоял, чтобы девочку отправили к родителям Ставич. Если выдавалось свободное время, они вместе ездили на машине проведать дочку, скрывая и от Татьянинных родителей, что не состоят в браке. Он видел, как двойственное положение тяготит ее, да и Лида о многом догадывалась, но не находил в себе сил поставить точку на семейной жизни, а Татьяна терпела и не подталкивала его. Он умащивал ее подарками, завалил деньгами и роскошными игрушками дочь, а на душе день и ночь скребло – ну, когда же ты наконец решишься? А тут еще посадили брата Лиды – дурака Виталия, – связавшегося с валютными операциями. Жена была просто не в себе, и он серьезно опасался за ее психическое состояние. Так и жил на два дома, разрывая сердце на части и не имея сил ни на что окончательно решиться. . .

Татьяна встретила его в длинном черном халате с вышитой на груди фиолетовой розой – его подарок, привезенный из загранкомандировки. Поцеловав ее в шею и ощутив тонкий запах духов, он в который раз дал себе слово презреть наконец давно обременявшие его правила приличия и переехать к ней окончательно. Совсем не хочется уходить отсюда и возвращаться к скандалам и просьбам. Но, видимо, еще не созрел, не произошел тот последний толчок, готовый побудить сорваться с места и, как камень, катящийся с горы, лететь вперед, не имея возможности вернуться.

– Поужинаешь? – Она помогла ему снять пиджак и подала тапочки.

– Нет, пожалуй, только чаю. – Он поймал ее руку и поднес к губам.

Боже, от чего он заставляет себя ежедневно отказываться и, главное, зачем? Идет на поводу собственной непонятной раздвоенности, страха потерять то, что есть в Лиде, не найдя этого в Татьяне? И в то же время потерять в Татьяне, не найдя в Лидии? Неужели он так и будет ходить от одной к другой, боясь сознаться себе, что его это почему-то устраивает? Но почему?

На кухне Котенев с удовольствием принял из ее рук чашку и почувствовал, что он дома, в тихой обители, защищающей от любых невзгод. Татьяна что-то негромко рассказывала о своих новостях, а он, мелкими глотками прихлебывая чай, наслаждался покоем и звуком ее голоса, совершенно не вникая в то, что она говорит, – главное, она здесь, рядом.

Зазвонил телефон, и Михаил Павлович досадливо повернул голову – как некстати нарушают тишину их вечера. Татьяна сняла трубку и, недоуменно подняв тонкие брови, сказала:

– Это тебя.

– Меня? – искренне удивился Котенев. Он никому не давал номера телефона этой квартиры. – Кто?

– Какой-то мужчина. – Она пожала плечами и отдала ему трубку.

– Да, я слушаю. – Михаил Павлович вновь ощутил легкий запах ее духов, исходящий от телефонной трубки, и сердце обдало теплой волной нежности. Но это ощущение быстро пропало.

– Извините за беспокойство, уважаемый Михаил Павлович, – голос явно незнаком, – но не хотелось беспокоить вас на работе или дома. Поэтому пришлось позвонить сюда. Еще раз извините.

– Кто это? – поинтересовался Котенев. – Чего вам надо?

– Вас беспокоит Лука Александриди. Хотелось бы с вами встретиться, предположим завтра, и обсудить некоторые взаимноинтересные вопросы. Надеюсь, не откажетесь?

– По-моему, мы с вами незнакомы. – Михаил Павлович тянул время, с лихорадочной поспешностью прокручивая в голове сотни возможных вариантов, кем инспирирован этот телефонный звонок. Жена отпадает: она уже получала анонимные письма, и даже присылали фото, на котором был он, Татьяна и их маленькая дочурка. Конечно, не обошлось без слез, упреков и скандалов, пришлось уезжать из дома, чтобы не присутствовать при очередной истерике. Тогда кто? Партнеры по «деловым играм»? Им-то зачем, они давно и хорошо знают друг друга. Милиция или более серьезное ведомство? Нет, те предпочитают действовать иными методами, заранее не предупреждая о своем интересе. Но кто же тогда? – Как вы получили номер телефона, от кого?

– Что мы пока незнакомы, верно, – с готовностью согласился невидимый собеседник, назвавшийся Александриди. . . Голос у него был глуховатый, принадлежавший явно пожилому человеку, и это несколько успокоило Котенева. – А насчет номерочка позвольте оставить вопрос открытым. Считайте это маленькой тайной.

– Вот как? – несколько озадаченно отозвался Михаил Павлович. – О чем вы хотите поговорить и где предлагаете встретиться?

– У меня есть к вам ряд предложений, которые не хотелось бы обсуждать по телефону. А встретиться я предлагаю на нейтральной площадке. Предположим, в «Арбате», часов в семь. Устроит?

– Возможно. Оставьте номер своего телефона, я вам перезвоню завтра и скажу, буду ли свободен в это время.

– К сожалению, я гость столицы и звоню из автомата, – вздохнул Александриди. – Поэтому и хочу договориться заранее. Поверьте, у меня нет никаких дурных намерений.

– Хорошо, предположим, я приеду, но как вас узнаю?

– Все предельно просто: подходите к метру, и он вас проводит к столику. И еще, хочу заранее попросить о маленьком одолжении. У меня множество дел в Москве, и потому могу несколько запоздать. Так вы не откажите в любезности подождать минут десять-пятнадцать. В таком случае простите заранее.

– Хорошо, – решил Котенев. – Постараюсь.

– Всего доброго, Михаил Павлович. – И в трубке раздались короткие гудки отбоя.

Допивать чай расхотелось. Отправившись в комнату, Котенев разделся и лег в постель, закурил сигарету – откуда взялся этот Александриди? Судя по фамилии, он грек, но каким ветром занесло его в Первопрестольную, если, конечно, он не врет, что приезжий, и действительно звонил из автомата?

Пришла Татьяна, медленно снимая халат, тихо спросила:

– Тебя расстроил звонок?

– Не знаю, – примяв в пепельнице сигарету, честно ответил Михаил Павлович. – Звонил какой-то Лука Александриди.

– Александриди? Кто это?

– Завтра узнаю, – успокоил ее Котенев и выключил свет. . .

Утром, приехав на службу, Михаил Павлович долго сидел за столом, раздумывая, позвонить ли жене. Часы показывали половину десятого, мерно урчал кондиционер, было слышно, как за дверями кабинета тюкала на машинке секретарша – недавно взяли новенькую. Смазливая, хорошо умеет варить кофе, нравится посетителям, но до умения и опыта Маргариты Александровны, ушедшей на пенсию, ей еще ой как далеко. С Маргаритой вообще не возникало никаких проблем – она почти не болела, в самые сжатые сроки готовила деловые бумаги, прекрасно владела пишущей машинкой и знала стенографию, но потом вдруг слегла. Да и то, не девочка, за шестьдесят уже. Пришлось искать другую секретаршу, а хорошую разве сразу найдешь?

Звонить Лиде не хотелось – одна отрада, что она сейчас на работе и не будет устраивать скандал, начав выяснять отношения в присутствии сотрудниц. Лидия вообще довольно скрытная, а на работе тем более постесняется трясти на виду у всех грязное белье семейных неурядиц. Ну, звонить или нет? Жалко ее, почему-то жалко до сих пор, или это не дает покоя совесть, заставляя сохранять хотя бы призрачную видимость того, что было когда-то, но безвозвратно прошло?

Решившись, он все же позвонил жене, поговорив с ней довольно сухо и ничего не объяснив – такой тон уже вошел в привычку, да и она старалась сохранить на работе реноме замужней женщины и не пустилась во все тяжкие по телефону. Мы вообще давно приучили женщин к тому, что они считают себя счастливыми только в том случае, если у них есть штамп в паспорте о регистрации брака и диплом о высшем образовании. Но счастливы ли они этим на самом деле?

С облегчением положив трубку, Михаил Павлович вытер вспотевший лоб и закурил – одно тяжелое дело свалено с плеч. Теперь, прежде чем погрузиться с головой в работу, стоит решить еще один вопрос – ехать сегодня на встречу с неизвестным Лукой Александриди или воздержаться от посещения ресторана «Арбат»?

Вдруг вспомнилось, как еще совсем сопливым мальчишкой, копаясь в куче песка, сваленного с грузовика около стройки, Михаил нашел несколько монеток и принес их домой, отстояв право владеть ими в драке со сверстниками. Мать заметила его находку, когда он раскладывал свои сокровища на полу, и взяла одну монетку. Это были действительно сокровища – пять золотых царской чеканки. Вот тогда маленький Котенев впервые понял власть и силу золота – мать аж задохнулась от счастья и устроила ему допрос с пристрастием: где взял, у кого, кто видел? Не вполне понимавший, в чем дело, Мишка честно рассказал о находке. Мать взяла у него все монетки, дав взамен красивые блестящие пятаки, пошла по делам и вернулась с большой бутылкой постного масла, пакетами с крупой и картошкой, шматком сала и хлебом.

Время было тяжелое, послевоенное, карточная система, жили все голодно, а тут вдруг привалило такое счастье. И с той поры навсегда осталось у Михаила ощущение сытости, связанное с золотыми монетками, а детские впечатления самые сильные.

Позже он дал себе слово стать независимым человеком, богатым и обеспеченным, приложив для этого все силы. По-разному поворачивалась судьба, мотало по свету, служил в армии, учился, но упорно добивался своего и, наконец, добился. А дуралей Виталик, братец богоданной супруги, чуть было не пустил все по ветру, связавшись с проклятым Зозулей и добывая для него валюту.

Котенев был зол на Виталия, но в то же время не собирался полностью отказываться от него – парень смысленый, оборотистый, отношения с его сестрой в делах роли не играют, еще можно использовать мальчишку, когда отбудет срок. А пока пусть помучается. Выйдет, оглядится, опять придет к зятю, но уже битым и пуганым. Начнет, как та ворона, от каждого куста шараться. Но пусть он знает, кому обязан, и не забывает этого никогда.

От дел он оторвался, когда в приемной затих стук пишущей машинки – неужели уже шесть? Да, действительно, шесть часов, а секретарша никогда не задерживается.

Ну что – ехать на встречу в «Арбат» или послать грека Луку Александриди по известному адресу? Если ехать, то, наверное, надо бы позвонить Лиде, предупредить, что задержится. С другой стороны, начнется тягостный разговор, а дома все равно предстоит объясняться. Лучше отложить противное и неизбежное мероприятие на поздний вечер, когда можно будет завалиться на кровать и повернуться к супруге спиной. Тогда пусть выговаривает все сразу, выливает накопившееся.

Итак, выбираем встречу в ресторане.

Собрав со стола бумаги, Котенев открыл сейф, положил в него папку и закрыл дверцу. Немного подумав, открыл ее вновь и достал небольшой японский диктофон. Положил его рядом с сигаретами – полез за куревом и включил запись, а потом ее можно не раз прослушать, проанализировать, не надеясь, что память сохранит все нужные подробности долгого разговора. Если беседа будет короткой, тем лучше. В любом случае пленки хватит.

Найти место на стоянке оказалось делом сложным, и Михаил Павлович прилично покружил, высматривая, где бы поставить жигуленок. Наконец, припарковавшись в глухом переулочке, пешочком отправился к ресторану, поглядывая по сторонам – обычная толпа, люди спешат с работы домой, ныряют в стеклянные двери магазинов, глазают на витрины, выстраиваются в очереди к лоткам и киоскам, без толку снуют по вечно продуваемому всеми ветрами проспекту в поисках дефицита. Ближе к ночи толпа рассосется, закроются магазины, останутся только кучки желающих попасть в кабаки, стойко ожидающие у закрытых швейцарами дверей.

Поднявшись по ступенькам, Котенев вошел в вестибюль ресторана. Если по лестнице вниз – попадешь в «Лабиринт», а двери верхнего зала «Арбата» слева – видны длинные ряды сервированных столиков, пустая эстрада, лаково блестит паркет в проходах.

Отыскав взглядом метра, Михаил Павлович направился прямо к нему:

– Мне здесь назначено свидание.

– Минутку, – молодой метр достал блокнот и перелистал страницы, – фамилия ваша?..

– Котенев.

– Да, пожалуйста. Прошу!

Он повел гостя к столику у окна и предупредительно подвинул стул. Михаил Павлович сел. Пока все идет так, как обещано неизвестным греком – действительно заказан столик на двоих, а шустрый официант уже несет закуски и бутылку коньяка. Признаться, у Котенева имелись сомнения, и он думал, что метр только недоуменно вытаращит глаза в ответ на вопрос. Тогда можно было бы слегка посмеяться над собой и отправиться восвояси, недоумевая – кто же столь ловко разыграл его, заставив приехать сюда? Однако Александриди, похоже, совсем не шутник.

– Скажете, когда подавать горячее? – доверительно наклонился официант.

– Ладно, – небрежно махнул рукой Михаил Павлович. – Откройте пока минеральную.

Официант ловко откупорил бутылку и налил воду в фужер. Отошел и встал в стороне.

Котенев оглядел зал. Обычная публика: приезжие из республик Закавказья, размалеванные девки, компания пожилых людей, видимо решивших отметить какое-то торжество, многие столики еще не заняты. Сам зал – длинный, стеклянный, неуютный – напомнил ему зал ожидания аэропорта. Сравнение царапнуло по душе, вновь вызвав мысли о Виталии Манакове, – ведь дурака поймали именно в аэропорту.

Закурив, Михаил Павлович поглядел на часы – неужели прошло всего десять минут? А показалось, что прошла чуть не вечность, так медленно тянется время.

За окнами сновала бойкая московская толпа, по проезжей части проспекта неслись автобусы, плыли переполненные троллейбусы, у стеклянных павильончиков остановок возникали стихийные очереди на посадку в транспорт.

«Все правильно, – покуривая, усмехнулся Котенев, – чисто русское изобретение – очередь, возникшая практически везде и всюду. И полное бессилие перед кастой жрецов очереди, раздувающих и создающих ее, поскольку нет никаких прав. Не записаны они в законах. Вот и встает народец в очередь на квартиру, детский сад, зимние ботинки, пошив платья, за сахаром и мылом. Стоит, думает, мрачнеет и идет переплачивать, чтобы без очереди. Умные люди на этом уже целые состояния сколотили. Пусть говорят, что на людском горе, слезах, пусть говорят те, у кого нет состояния. Очередь у всех нравственность давно искалечила: у тех, кто берет, и у тех, кто дает. И даже у создающих очереди. М-да, но сколько можно ждать этого Луку Александриды? Время зачастую дороже денег».

Михаил Павлович знаком подозвал официанта – теперь ясно, над ним подшутили и заставят раскошелиться за роскошный ужин. Кто бы это мог сделать: Рафаил или Саша Лушин? Как близкие и наиболее доверенные компаньоны, они знали телефон квартиры Ставич, правда, никогда туда не звонили, но разве не могла им в голову прийти шальная мысль позабавиться, причем, с их точки зрения, совершенно безобидно. Ну, если они так развлекаются, то заплатят ему больше, чем стоит ужин.

К удивлению Котенева, официант взять деньги отказался:

– Все оплачено, не беспокойтесь, пожалуйста. Заходите к нам еще.

– Непременно, – мрачно пообещал Михаил Павлович, поднимаясь из-за стола.

Времени половина восьмого, даже без двадцати восемь, сколько еще можно ждать? Если Александриды так надо с ним увидеться, пусть приходит вовремя. В следующий раз Котенев не поддастся на подобные провокации, а если грек снова позвонит, то пошлет его подальше вместе с предложениями.

Через заполнившийся посетителями зал он шел неспешно, втайне надеясь, что Александриды вот-вот объявится, подойдет с извинениями, – любопытно все же, чего он хотел? Котенев даже постоял немного в дверях, наблюдая, не направится ли кто к оставленному им столику? Но увидев, что официант начал собирать посуду, вышел в вестибюль. Тут же мелькнула другая мысль – надо было бы съесть горячее, чтобы не ужинать дома и не давать Лидии возможность долго высказывать свои недовольствия.

Остановившись на ступеньках ресторанный подъезда, Михаил Павлович достал сигареты, закурил и хотел уже сойти вниз, но увидел остановившуюся около тротуара черную персональную «Волгу» и вылезавшего из нее Сергея Владимировича Курова. Встречаться с ним не очень хотелось, но глазастый Куров его уже заметил, растянул губы в любезной улыбке и раскинул в стороны руки, словно готовясь обнять.

С Куровым приходилось встречаться и раньше, но эти встречи происходили на деловых совещаниях. Сергей Владимирович пользовался репутацией человека хозяйственного, делового, уверенно пробивавшего фонды и кредиты, не боящегося экспериментов и хозяйственного риска, чем снискал себе уважение руководства и других директоров, искренне завидовавших его хватке и умению всегда оказываться в струе. Близко с ним Михаил Павлович знаком не был – так, пару раз сидели в буфете за чашечкой кофе и сигаретой, обсуждая насущные проблемы и тихо жалуясь друг другу на неизбежные трудности, отсутствие валютных фондов и прочие неприятности.

Подойдя, Куров пожал Котеневу руку и улыбнулся:

– Гуляем?

– Да так, – уклончиво ответил Михаил Павлович.

– А я думал, собрались поужинать или уже вкусили от благ сего заведения, – посмеялся Сергей Владимирович, беря Котенева под руку. – Еду мимо, гляжу – стоит на ступеньках ресторации с выражением сомнения на лице.

– И решили остановиться? – покосился на него Михаил Павлович. С чего бы вдруг Курову, вечно торопящемуся по делам, останавливать машину и высаживаться, заметив стоящего у входа в ресторан знакомого? Темнит Сергей Владимирович, ох темнит.

– Нет, не решил, – обезоруживающе улыбнулся Куров. – Просто совпадение, некие обстоятельства заставили.

– Да? И какие?

– Извечная проблема, сломался мой водила, как говорят современные мальчики. Вдруг заявляет, что ему надо на базу, в движке у него, видите ли, стучит что-то. Ну, я решил выйти около стоянки такси и попробовать доехать за наличные, а тут заметил вас и вспомнил, что Михаил Павлович ярый приверженец автомобилизма и никогда не ходит пешком.

– Стало жалко денег и хотите попросить подвезти? – не удержавшись, съязвил Котенев. Черт с ним, пусть глотает, авось не подавится. Тем более настроение после несостоявшегося свидания и в связи с неотвратимо приближающимся очередным объяснением с женой становится все более мерзким. Так и тянет сказать кому-нибудь дерзость, словно репетируя разговор с Лидой.

– Угадали, – Сергей Владимирович скорчил покаянную мину, – ну, правда, Михаил Павлович, что вам стоит? Тут недалеко, подбросьте. Долг, говорят, платежом красен.

– Вы домой? – с делано озабоченным видом поглядел на часы Котенев, решивший все же сначала точно выяснить намерения знакомого, а то начнет просить отвезти в Ясенево или Беляево-Богородское. Охота гонять за столько верст без дела?

– Не угадали. У меня небольшое дельце неподалеку отсюда, и долее чем десять-пятнадцать минут я вас не задержу.

Он просительно заглянул в глаза Котеневу и снова улыбнулся. Михаил Павлович обреченно вздохнул и согласно кивнул:

– Хорошо, поехали. Только придется немного пройтись пешочком – машину я оставил в переулке.

– Какой разговор? Куда, направо?

Дорогой Куров болтал о каких-то пустяках. Михаил Павлович вежливо кивал и думал о своем – будет еще звонить Александриды или нет?

Увидев собственные «жигули», Котенев не поверил глазам – за рулем его машины сидел какой-то незнакомый человек, а из выхлопной трубы вился синеватый дымок, свидетельствовавший, что двигатель работает. Угонщик?! Какова наглость, при ярком свете, в самом центре города!

Михаил Павлович рванулся вперед: надо задержать вора, пока тот не успел тронуться с места и угнать машину. И как он только умудрился найти секретку и включить зажигание? Куров, натужно посапывая, торопился следом, пытаясь что-то спросить, но Котенев не обращал на него внимания.

Подбежав к машине, он рванул на себя дверцу водителя, но она была заперта изнутри.

– Открывай! – не помня себя, заорал Михаил Павлович и хотел ударить по стеклу двери кулаком, но почувствовал, что его сзади крепко прихватили за локти.

Недоуменно оглянувшись, он увидел двух рослых парней. Один, нахально подмигнув светлым глазом, свободной рукой открыл заднюю дверь жигуленка и предложил:

– Садись.

Еще более удивительным было то, что Куров, спокойно обойдя машину, сел на заднее сиденье и, нагнувшись к открытой двери, ласково позвал Михаила Павловича:

– Действительно, садитесь, поехали.

– Пустите, – рванулся Котенев, но парни не выпустили, а легко подтащили к машине и впихнули внутрь, усадив рядом с Куровым.

Заставив Михаила Павловича потесниться, на заднее сиденье влез и светлоглазый нахал, фамильярно обняв Котенева тяжелой лапой. Второй сел рядом с водителем. Тот медленно тронул с места и лихо вырулил на оживленную трассу.

Котеневу вдруг стало смешно – ну, разве не глупый сегодня день? Даже скорее идиотский: сначала несостоявшаяся встреча с телефонным анонимом, назвавшимся Лукой Александриди, затем пустое высиживание в ресторации, потом случайная встреча с Куровым, чужой человек за рулем «жигулей», поездка неизвестно куда. Ну и шуточки у любезного Сергея Владимировича! Будет потом о чем рассказать приятелям за рюмочкой.

– Это что, похищение? – повернувшись к Курову, с натянутой усмешкой спросил Михаил Павлович.

Ему никто не ответил. Незнакомец за рулем уверенно гнал «жигули» по незнакомому маршруту. Лежавшая на плече Котенева лапа светлоглазого нахала чутко сторожила каждое движение хозяина машины, а Куров все так же смотрел в окно. Михаил Павлович притих, поняв, что рассказывать о сегодняшнем приключении ему вряд ли захочется, если вообще представится такая возможность...

Глава 4

Долго петляли среди до жути одинаковых кварталов Теплого Стана, – прокрадываясь через дворы, въезжая в узкие подворотни, выскакивая вновь на проезжую часть шоссе, – пока не остановились около подъезда ничем не отличавшегося от других дома: длинного, светлого, с окнами без форточек, которые за деньги вынуждены были сделать сами жильцы.

Михаил Павлович уже несколько успокоился – он понял, что ему пока ничего не угрожает: жизни лишать его не собираются, за город не везут, а там будет видно.

– Пошли, посидим, пообщаемся, – повернувшись к нему, миролюбиво предложил Куров. – Звонили по моей просьбе, но извини, надо было проверить, как отреагируешь. А на людях, в кабаке, какой разговор?

– Значит, Лука Александриди – это вы? – приободрившись, недоверчиво хмыкнул Котенев. – Занятно.

– Нет, не я, – вылезая из машины, ответил Сергей Владимирович.

Светлоглазый нахальный парень, сидевший рядом с Михаилом Павловичем, слегка подтолкнул его плечом – давай, не задерживайся, когда тебя приглашают. Котенев недовольно покосился на него, однако смолчал и послушно вылез следом за Куровым.

– Не волнуйся, машинка твоя будет в целости, – успокоил Сергей Владимирович и, взяв Котенева под руку, повел к подъезду.

Вошли, дождались лифта. В кабину вместе с ними влезли и два бугая, прихватившие Михаила Павловича около жигуленка в переулке. Решив ничему не удивляться, Котенев снова промолчал. Поднялись на шестой этаж, и Куров нажал кнопку звонка одной из квартир – на площадке было темновато, и номер на табличке двери разглядеть не удалось.

Открыл пожилой, аккуратно одетый мужчина, с ровным пробором в сильно поседевших волосах. Радушно улыбаясь, он пропустил гостей в прихожую с ворсистым ковром на полу, распахнул двустворчатую дверь гостиной.

– Прошу, прошу...

Небрежно кивнув хозяину, первым вошел Куров, за ним последовал Михаил Павлович, с интересом оглядывавший убранство комнаты – большой стол, чешская хрустальная люстра, буфет с множеством разноцветных бутылок, длинные мягкие диваны, плотные гардины на окнах.

Открыв перед гостями дверь в другую комнату и стоя на пороге, седовласый хозяин сделал приглашающий жест:

– Все готово, прошу...

Парни Курова остались в первой комнате, а Сергей Владимирович и Котенев прошли во вторую – удобные кресла, дорогой торшер, богато сервированный столик, с закусками и бутылкой марочного коньяка.

– Спасибо. – Опустившись в кресло, Куров махнул рукой, отпуская хозяина квартиры. Предложил присесть Котеневу и откупорил бутылку. – Давай по маленькой? Домой отвезут, не волнуйся.

– Это кто же повезет? – усаживаясь напротив Сергея Владимировича, усмехнулся Михаил Павлович. Ничего себе, попал в переплетец. Интересно, куда это приволок его дражайший Куров и, главное, зачем?

– Кто привез, тот и отвезет, – разливая коньяк в маленькие пузатые рюмочки, ответил Куров. – Чего, гадаешь, где оказался? Не гадай, скажу – это *катран* для приличных людей.

– Катран? – Опуская руку в карман за сигаретами, Михаил Павлович скользнул пальцами по гладкой металлической поверхности диктофона. Осторожно сдвинув рычажок включения записи, он достал пачку сигарет и закурил. Пусть теперь Сергей Владимирович говорит, а мы будем внимательно слушать и мотать не только на ус, но и на тончайшую импортную пленку.

– Ну да, катран. Игорный дом для состоятельных людей. Наверное, никогда не был заядлым картежником и не знаешь жаргона? Правильно, деньги лучше тратить на удовольствия.

– Каждому виднее, на что и как их тратить, – отделался несколько неуклюжей шуткой Котенев. – Если, конечно, есть что тратить.

– Сюда ходят только те, у кого есть, – заверил Сергей Владимирович, – клиенты солидные, но и цены хозяин держит на высоте: рюмочка коньячку с бутербродиком обходится минимум в сотенную. Если сильно продулся, то любезный Борис Яковлевич, командующий здесь парадом, может открыть кредит. Но за каждую взятую в долг сотню надо отдать две или три, причем не позже чем через сутки. За ругань или шум полагается штраф, а под утро приглашают девочек: в квартире четыре комнаты, а больших компаний не бывает.

– Я не играю в карты, – потягивая коньяк, обронил Котенев, слушавший Курова с интересом: о многом Михаил Павлович знал, но пусть говорит, не помешает, диктофончик пишет.

– Знаю, – улыбнулся Сергей Владимирович. – Есть катраны дешевле, где собираются до тридцати-сорока человек в ночь, но там подают водочку, а не коньяк, девочки хуже, ставки ниже, соответственно процент от выигрыша падает. А тут, случается, проигрывают огромные состояния.

– Весьма любопытно, – согласно кивнул Котенев, – но позвольте узнать, зачем вы это рассказываете? Какой смысл в нашей встрече, оформленной столь неожиданно?

Куров откинулся на спинку кресла и, прищурился глазами, внимательно поглядел на Михаила Павловича, словно оценивая – стоит ли выкладывать на стол козыри или подождать еще? А может быть, совсем не показывать своих карт, превратив все в шутку и расставшись после совместного распития бутылочки? Видимо решившись, он сказал:

– Нервы твои проверял. Я человек коммерческий, лишнего рисковать не люблю. Сейчас все объясню, а ты пей и слушай. Если чего не понимаешь, задавай вопросы, отвечу.

– Помилуйте, Сергей Владимирович, – сделал недоуменное лицо Котенев, – какой же риск? На вашу выходку я совершенно не обижен и даю слово никому о ней не распространяться. Выпьем, и, согласно вашему обещанию, пусть меня доставят до дома. На том и расстанемся.

– Налим, – весело засмеялся Куров, – скользкий... Ладно, не будем тянуть. Я тут недавно интересовался, каково вознаграждение у директоров средних фирм в Англии. Представь, Михаил Павлович, они получают более сорока тысяч фунтов стерлингов в год. Примерно дюжина менеджеров зарабатывают по полмиллиона, а пять человек имеют поболее миллиона фунтов в год. Теперь вернемся на родную почву.

– Давайте попробуем, – усмехнулся Котенев, поставив рюмку на столик. Внутри возникло щемящее чувство беспокойства: куда гнет Куров, в какую западню заманивает? Надо не забывать, что разговор пишется на пленку, и не болтнуть лишнего.

– Неужели мы работаем меньше или ответственность у нас ниже? Отнюдь нет! Разве смиритесь с таким положением коммерческий и умный человек? Нет и еще раз нет! Он начнет *добирать* нехватящую сумму, эквивалентную затратам энергии его мозга. Желаете еще немного статистики?

– Извольте. – Михаил Павлович поудобнее устроился в кресле.

– По оценкам экспертов, причем не состоящих на государственной службе, в нашей стране насчитывается порядка десяти тысяч подпольных миллионеров. Правда, Минфин объясняет интересующимся, что честный трудящийся миллионером стать не имеет возможности, а в Сбербанке не зарегистрировано вкладов на миллионные суммы. К тому же у нас блюдают тайну вклада.

– Да, но еще есть мир шахматистов, писателей, художников, – хитро усмехнувшись, возразил Котенев.

– Есть, – снова наполняя рюмки, легко согласился Куров, – но писателей-миллионеров у нас раз-два и обчелся, так же как и художников. Среди песенников, конечно, имеются люди богатые, но все они, как и писатели с художниками, на виду, и круг их весьма постоянен. А независимые эксперты настойчиво твердят, что имеются в первой стране социализма не только миллионеры, но и даже миллиардеры.

– Только не я, – небрежно отмахнулся Михаил Павлович.

– Не ты, – поднял рюмку Сергей Владимирович. – Ты пока миллионер!

– Я?! – Котенев округлил глаза, а потом зашелся смехом, вытирая выступившие на глазах слезы. – Ну уморил...

– А чего? – Куров выпил коньяк и подцепил вилочкой ломтик лимона в сахарной пудре. – Я к тебе давно приглядывался: хорошо *добираешь*! Толково, я бы сказал. Деловой ты, Михаил, человек, причем умело расширяющий сферу своего влияния. Вот, к примеру, твой дружок, Лушин. Он тебе связь с торговлей отлаживает, а другой компаньон, Рафаил Хомчик, по части кооперации заправляет. Сколько ты сейчас кооперативов контролируешь и вкладываешь в них свои денежки для отмывания?

– Простите, Сергей Владимирович, но вы, по-моему, перебрали лишнего. – Котенев встал и застегнул пиджак. – Я, пожалуй, пойду.

– Сядь, все одно не выпустят, пока не закончим разговора, – почти ласково посоветовал Куров, и Котенев послушно опустился в кресло.

Разговор перестал ему нравиться, но диктофон он все равно не выключил, хотя и мелькнуло такое желание, когда снова опустил руку в карман за сигаретами.

– Господь велел делиться, – наливая Котеневу коньяк, заметил Сергей Владимирович, – особенно с тем, кто сильнее тебя. Но зачем применять силу? Два разумных коммерческих человека всегда могут спокойно договориться. Так? Тем более что ты, дорогой мой Михаил Павлович, настырно вторгаешься туда, где все давно принадлежит другому человеку.

– Это кому же?

– Мне! – просто сказал Куров.

– Вот так вот, да? – насутился Котенев, несколько ошарашенный и возмущенный. – А как же насчет прав человека?

– Каких прав? Как нарушать то, чего нет? Это все на бумаге писано, а на деле? Это ты нарушаешь законы бизнеса. Дай мне процент и жируй спокойно, как карась в пруду. А я тебе обеспечу защиту и поддержку, вместе с режимом наибольшего благоприятствования. Короче, предлагаю стать моей дочерней фирмой на обоюдовыгодных условиях. Соглашайся, не пропадешь.

– Фантастика, – развел руками Михаил Павлович. – Позвольте спросить, на чем основывается ваша столь упрямая уверенность в том, что предложения сделаны по адресу? Вдруг вы заблуждаетесь, принимаете желаемое за действительное?

– Ну-ну, – улыбнулся Куров, – не надо передергивать и строить из себя невинную девочку-гимназисточку. Я же сказал, что давно за тобой наблюдаю, и не просто наблюдаю, а *документирую* свои наблюдения. Могу предоставить для ознакомления некоторые копии, если есть желание убедиться.

– Есть. – У Михаила Павловича нехорошо заныло под ложечкой и возникло чувство незащищенности, словно он, как глупый мышонок, привлеченный запахом сыра, влез в западню-мышеловку, а она захлопнулась. Дать бы сейчас Сергею Владимировичу в зубы, так, чтобы, обдирая костяшки пальцев, всадить кулак глубоко, вкладывая в удар силу злости и отчаяния. Нет, драться кулаками нельзя, надо драться хитростью, осторожностью, быть изворотливым и умным, чтобы защитить свою собственность и независимость в делах. Хватка у Курова мертвая, но, может быть, удастся ее хотя бы немного ослабить?

– Артем! – позвал Куров.

В комнату вошел тот самый парень с наглыми светлыми глазами и подал Курову темную папку. Слегка наклонившись, шепнул что-то своему хозяину на ухо, а тот ответил слабой улыбкой, движением руки отослав Артема прочь.

– Прошу. – Сергей Владимирович через стол подал папку Котеневу.

Михаил Павлович взял ее со смешанным чувством недоверия и страха. Неужели у Курова существует собственная служба информации, доставляющая ему сведения о людях, интересующих его? И все было продумано заранее, даже возможность ознакомить пойманного в западню Котенева с неким компрометирующим материалом? Если так, худо дело. Открыв папку, Михаил Павлович быстро пролистал несколько страничек – люди Курова не зря ели свой хлеб и получали вознаграждение: если эти материалы передать определенным органам, то какой-нибудь майор или капитан вполне может делать дырку на мундире, ожидая награды за раскрытие крупного дела. Действительно, сжимаются на горле стальные челюсти.

– Серьезная работа, – захлопнув папку и положив ее себе на колени, вынужденно признал Котенев. Признал он это с горечью терпящего поражение, что не укрылось от Курова. Но он не выказал торжества победителя. Напротив, его лицо обмякло, стало даже как-то добрее.

– Недооценка противника всегда губительна, – тихо заметил он. – Сейчас иная атмосфера, и, если хочешь иметь крепкое дело, приходится создавать организацию со своей разведкой, контрразведкой, репрессивным аппаратом и даже микроармией. Некое маленькое теневое государство, которого у вас нет! Все просто: толковые люди потихоньку продвигались в разные нужные эшелоны, а оттуда расставляли своих, то есть моих, людей в правоохранительные органы, торговлю и тому подобное. Блатной мир преступности не дремлет, часть его пошла на тесный деловой контакт с нами, другая нет. А есть еще, кроме своих людей в правоохранительной системе, абсолютно чуждые нам, и, надо признать, их подавляющее большинство. Враг со всех сторон, враг делового человека! Надо выбирать в жесткой конкуренции и постоянной опасности – встать на сторону сильного или пасть в неравной борьбе с желающим отнять все! А отнять желают многие. Кстати, если так хочется, оставь папочку себе, считаешь на досуге: у меня все равно есть подлинники.

– Полагаете, я не стану защищаться, – пустил пробный шар Котенев, решивший попытаться зайти с другой стороны и прошупать еще раз, насколько силен Куров.

– Как? – искренне удивился Сергей Владимирович. – Ты полагаешь, что тебя будут пугать горячим утюгом, обещая прижечь мягкие места? Бог мой, какая глупость! Такие штучки проходят только с профессиональными проститутками, для которых гладкая розовая кожа – визитная карточка и товар. Правда, некоторые ни черта не смыслящие в наших делах авторы и киношники используют подобные штучки для воздействия на слабонервных истеричек, но

кто им это может запретить? Предположим, ты убьешь кого-то из моих людей. Ну а дальше что? Отправишься в тюрьму, и надолго, а если в зоне узнают, а там обязательно узнают, за какое дельце ты получил срок, то умрешь сам: ошпарят кипятком в бане, удавят на лесоповале или еще какая неприятность приключится. Разве дело так заканчивать жизнь? Объявишь нам финансовую войну? Бред, сомну вот так. – Он взял бумажную салфетку и скомкал ее в кулаке, скатав в тугий шарик. Повертел его, показывая со всех сторон Котеневу, и небрежно бросил в пепельницу. – Пойдешь заявлять в МВД или КГБ? Так они в первую очередь заинтересуются тобой, а потом остальными. И главное, где возьмешь доказательства?

«Это ты, голубчик, зря так думаешь, – зло усмехнулся про себя Михаил Павлович, – доказательства у меня, считай, уже есть. К сожалению, ты меня вычислил и взял под колпак, а вот я недооценил силу используемых тобой методов и прохлопал ушами массу времени, пребывая в преступном благодушии относительно конкурентов. Всегда опасался ненужного внимания финансовых органов, оперативников из милиции, тривиальных уголовников, а вот таких, как ты, бездарно проморгал, за что теперь и потею тут перед тобой, как в кресле у дантиста. Ну ничего, как говорят, еще не вечер».

– Предположим, сгорит кооператив Хомчика, Лушина замучают ревизии, нанятые тобой отбойщики не выстоят против чужаков или их перекупают? Как тогда? – продолжал Сергей Владимирович, глубоко затягиваясь сигаретой. – Сейчас модно всякие общественные организации создавать. Можешь вступить в одну такую. В нашу! Плати взнос, Михаил!

– Хорошенькая общественность, – вскинулся Котенев. – Гангстеры. Мафия, да и только. Это же коррупция! По головке потом не погладят.

– А ты хочешь и рыбку съесть, и ног не замочить? И потом, не бросайся громкими словами, не надо. Желаете получить гарантии? Я дам, поскольку времена меняются, а люди на своих местах остаются. Понял?

– Ну хорошо, – сдался Котенев, распуская узел галстука на душившем его вороте сорочки и чувствуя, как опустошает его разговор. Аж спина взмокла. – Что конкретно хотите предложить?

– Я уже говорил об изменении ситуации, – тоном лектора начал Сергей Владимирович. – Кризис, друг мой, кругом кризис! В чем причина? Не только в изменении ситуации, но и в самих людях, да-да, именно в людях – проблемы изменений в экономике, постоянная обеспокоенность, усиление проявлений насилия, рэкета, наркомания, распады семей. Наблюдается снижение духовного уровня индивидуума. Сегодня свобода несколько помутневший термин – как у нас может ею хорошо воспользоваться деловой человек, имеющий деньги? Он хочет жить цивилизованно и с должным достоинством, поскольку уже не может и не хочет жить так, как живут остальные рабы тарифов и окладов, страшась выразить сомнение в их правильности, поскольку у них могут отнять и тариф и ставку. Хочешь, я отвезу в прелестный тайный бордельчик с обворожительными юными девами, на все готовыми за деньги? Могу познакомить с людьми, которые дадут вам телефоны множества очаровательных женщин, ждущих звонка в отдельных, прекрасно обставленных квартирах. Могу ввести в дом, где играют в рулетку не хуже чем в Монте-Карло или Лас-Вегасе.

– Или отвезете на ипподром? – усмехнулся Михаил Павлович.

– А что, он тоже под нашей рукой, – ничуть не смутился Куров. – Глупо упускать букмекерство. Но не в этом суть. Суть в том, что давно назрела необходимость создания более широкой инфраструктуры развлечений и удовольствий для состоятельных людей. И ты со своими компаньонами способен в этом помочь, поскольку уже занимаешься таким делом, помогая переводить накопления в алмазно-твердую валюту. Раньше было проще, определенная категория руководителей позволяла себе даже запустить лапу в Алмазный фонд, не говоря уже о казне. Теперь сложнее, и надо кооперироваться. Я не требую ответа сразу, подумай. Но лучше, если прямо сейчас ударим по рукам.

Котенев не ответил, задумчиво вертя между пальцами тонкую ножку коньячной рюмки. Наконец он поднял на Курова глаза:

– А если я все же заявлю о нашем разговоре?

– Не поверят, – спокойно ответил Сергей Владимирович. – К тому же у нас и там свои люди, которые примут меры. Я пошел на риск, решив встретиться с тобой сам и говорить с открытым забралом, поскольку верю, что глава фирмы и глава ее дочернего предприятия обязаны иметь взаимопонимание и сердечную привязанность, доверие друг к другу. А ты недоверчив, ох недоверчив. Зачем разговор пишешь?

– Что? – сделал непонимающее лицо Михаил Павлович.

– Отдай диктофончик, – протянул к нему через стол руку Куров. – Давай, давай, у моих ребят японская техника, она не ошибается. Не заставляй тебя обыскивать.

Стиснув зубы, Котенев полез в карман и вынул диктофон. Сергей Владимирович вынул из него кассету, положил на стол, а диктофон вернул:

– Забери, денег стоит. Когда будешь со своими компаньонами общаться, не называй, пожалуйста, никаких имен.

– Как говорить, когда сам всего не знаешь, – пряча пустой диктофон, буркнул Котенев. – И потом, обещали дать время подумать, а теперь что же, на попятную?

– Почему, думать можно, только не слишком долго, а условия сейчас обсудим, определим, так сказать, *правила игры*...

Мерно гудел кондиционер, тюкала на машинке в приемной секретарша, терзая технику неумелыми пальцами, выскакивали на табло настольных электронных часов зелененькие циферки, напоминая о быстротечности бытия, пульсировала электронная лампочка-точка. Михаил Павлович снимал трубку трезвонившего телефона, участвовал в обсуждениях проекта плана, пил поданный секретаршей кофе, машинально отвечал на приветствия, возвращаясь с обеда в свой кабинет, а мысленно он был все еще там, на квартире, превращенной в игорный дом для состоятельных людей, не в силах полностью вернуться из вчерашнего вечера в день сегодняшний.

Проклятый Куров! Как он вчера сразу расслабился, поняв, что уже намертво зажал противника, загнал того в угол и может нанести решающий удар, но не сделал этого, продемонстрировав свою силу и лояльность к будущему вассалу. И еще пошутил в ответ на вопрос Котенева: не боится ли Сергей Владимирович доверять коммерческие тайны ушам стен катрана, встречаясь здесь для серьезных переговоров о разделе сфер влияния? Куров только похлопал Михаила Павловича по плечу:

– Нисколько. Хозяин не знает, кто гостит в его доме, и даже не знает, кому платит дань. А я сегодня заплачу ему, как за обычный вечерок, но деньги ко мне же и вернуться. Кстати, для своих компаньонов придумайте какую-нибудь легенду или сказку. Поверьте, я очень не люблю, чтобы мое имя трепали чужие языки, и всегда об этом узнаю. Лучше, если они ничего не будут знать обо мне. – И после этих слов многозначительно поглядел в глаза Котеневу, которому этот взгляд показался взглядом василиска.

Вновь вспомнив о вчерашнем унижении и поражении, Михаил Павлович в сердцах пристукнул кулаком по полированной столешнице: Куров – дитя и полный продукт эпохи безграничного начальственного права, единолично решающий, что указать, когда поощрить, а когда запугивать до икоты, пряча смертельные угрозы за сладкой улыбочкой внешне благопристойного и воспитанного человека, не привыкшего повышать голос. Его, видите ли, *обязаны* слушать, внимать ему, как пророку, а он, с тупой жестокостью, порожденной десятилетиями атмосферы полного бесправия подчиненных, восторженного чиновничества и животного страха, будет млеть от административного восторга и диктовать, привычно попирая ногой всех и вся. Однако, как оказалось, Куровы и компания успешно переносят привычные им методы

и в сферу теневой экономики, действуя совершенно беспардонно и чувствуя свои руки полностью развязанными, – кто их остановит, кроме еще более сильного и жестокого?

Им уже мало официальных постов, наград и руководящих кресел, они хотят иметь то же самое и в ином теневом мире, полагая себя чем-то вроде принцев крови бюрократической системы, пользующихся абсолютной вседозволенностью. Захотят – сомнут, захотят – оставят жить и дышать. А ты должен ползать в пыли у их ног и радоваться, собирая крошки, просыпавшиеся с барского стола.

Но что сейчас толку махать кулаками? Документы, благосклонно подаренные Куровым, Михаил Павлович сжег, предварительно перечитав их, заперевшись дома в ванной. Сергей Владимирович не блефовал, не зря запугивал – он знал практически все, и Котенев понял, что противник выбросил на стол не последние козыри. Нечто более серьезное и страшное припрятано в рукаве, как у профессионального карточного шулера, объегоривающего простаков, вздумавших оседлать удачу и враз разбогатеть. Мысль о том, что все блеф, что Куров хочет просто взнуздать его и тихо-тихо сосать бабки, растаяла, стусевалась и ушла, уступив место липкому страху и отчаянию обреченного.

С другой стороны – надо бы проверить, насколько силен Сергей Владимирович. Не может же его власть быть действительно безграничной, несмотря на то что она и распространена в двух сферах: официальной и теневой. Но власть везде власть, и одно ее проявление подкрепляет другое, помогая держать в повиновении непокорных, вершить суд и расправу, казнить и миловать либо официальным путем, либо другим, тщательно скрываемым от официального мира. Оборотень!

«Перестань, – покусывая ноготь большого пальца, остановил себя Михаил Павлович. – Чего городишь? Сам такой, но завидуешь сейчас ему, поскольку он тебя насадил на булавку, как таракана запечного, а не ты его. А вот если бы наоборот, то, наверное, ты сейчас радостно потирал бы руки, вспоминая разговор».

Вчера дома, сидя на краю ванны и выкуривая одну сигарету за другой, Котенев с горьким сожалением думал, какой на самом деле призрачной и эфемерной оказалась его независимость – чужие и сильные ворвались в устоявшийся мирок его бизнеса, ломают все, крушат надежды, заставляют подчиниться, выкручивая руки в прямом и переносном смысле. Вот и получается, что большая рыба всегда заглатывает меньшую...

Выбрался он из ванной поздно, дождавшись, пока Лида ляжет и погасит свет. Прокрался на кухню, открыл форточку, чтобы выветрился запах сожженных бумаг, потом прошел в спальню и тихо нырнул под одеяло – благо они с женой давно спали в разных постелях.

Однако надежда на старую поговорку – утро вечера мудренее – не оправдалась, и сейчас сидит Михаил Павлович в своем кабинете за столом и думает, подперев рукой отяжелевшую от невеселых мыслей голову.

Так, ну а чего делать-то? Надо же принимать решение или продолжать сидеть так вот – бездумно глядя невидящими глазами в бумаги, разложенные на столе, и выкуривая сигарету за сигаретой? Но если бы знать, как поступить и чего делать?!

Поколебавшись, Михаил Павлович снял телефонную трубку и набрал номер Лушина. Услышав его бодрый тенорок, поздоровался:

– Привет, это я. Слушай, Александр Петрович, есть необходимость срочно повидаться и перетереть кое-что. Нет, лучше прямо сегодня. Чего ты заладил о делах, я тоже занят по горло. Позвони Рафаилу и предупреди, а то мне некогда...

Повесив трубку, Котенев почувствовал, что напряжение несколько спало – сделан первый шаг, и компаньоны сегодня узнают о предлагаемых новых *правилах игры*. К тому же Сашка и Рафаил далеко не дураки, присоветуют чего, поскольку дело касается их шкуры вместе с карманом. Пусть тоже поломают головы, не все же ему одному отдуваться и курить, заперевшись в ванной.

Вытащив из пачки новую сигарету, он вдруг вспомнил о первопричине очередного семейного скандала – Виталике Манакове, драгоценном родственничке. Сидит там, бедолага, и хлебает горе полной ложкой.

Вообще-то, чисто по-человечески, жаль дурака, да и Лидка совсем извелась и исплакалась, похудела, стала дерганая, истеричная. Ее тоже жалко, а больше всех жалко себя. Разве и правда поговорить с нужными людьми о Виталии – пусть переведут поближе к дому, устроят получше, а если никак нельзя перевести, дадут Лидке свидание с братом. Он, конечно, скотина и дурак, но чего уж с этим теперь поделаешь?

Да, везде свои правила в разных играх, но не правила определяют их характер, а сама игра и игроки начинают вырабатывать определенные требования к играющим с ними в одной команде и противнику. Причем эти требования постоянно меняются, как и состав игроков – одни уходят на скамью подсудимых, другие из жизни, третьи продолжают самозабвенно биться за свое, пока их не затопчут или не удалят судьи. Но одно правило всегда неизменно – если можно что-либо сделать чужими руками, именно так и поступи, а лавры победителя и приз присвой себе. Пусть твои счета оплачивают другие! Ведь и тебя заставляют оплачивать счета чужих ошибок, допущенных до сего времени сидящими в начальственных креслах.

При мысли о Сергее Владимировиче Котеневу стало муторно – вдруг Куров уже успел переговорить с кем-то из его ближайших компаньонов и склонил того на свою сторону посулами золотой жизни или угрозами? Как проверишь, как узнаешь правду, как обезопасишь себя в этой игре, где еще одним из основных правил является *предательство*?!

* * *

Встреча компаньонов произошла в закрытой для посторонней публики сауне. Лушин и Хомчик уже ждали, встревоженные неожиданным звонком Котенева. Александр Петрович вяло ковырял вилкой в тарелке с закусками, а Хомчик нервно курил.

Увидев вошедшего Михаила Павловича, он подался к нему:

– Что случилось? Почему такая спешка? Саша мне ничего не объяснил, так, может быть, ты будешь столь любезен?

– Буду, – присаживаясь к столу, буркнул Котенев. Трусит Рафаил, тихий наш мышоночек, который всего опасается, и в этом его сила. На страхе и держится много лет, чутьем улавливая малейшую опасность и вовремя успевая отскочить в сторону, когда другие начинают с грохотом сыпаться в яму.

– Звонишь, понимаешь, срываешь все дела, – отбросив вилку, забубнил Лушин. – Неужели нельзя подождать?

– Нельзя, – вздохнул Михаил Павлович и начал рассказывать о вчерашнем происшествии, внимательно следя за реакцией приятелей.

Похоже, ни один из них еще не успел познакомиться с Сергеем Владимировичем и сдать тому со всеми потрохами свое дело и Котенева в придачу. Хотя от опытных игроков можно ожидать всякого.

– Вот такие дела, – заканчивая рассказ, невесело усмехнулся Михаил Павлович. – Что будем делать?

– Как его зовут? – разминая в тонких нервных пальцах очередную сигарету, спросил Рафаил. – И почему мы должны тебе верить? Надо было записать разговор и принести кассету, дать нам прослушать. Как будто первый раз занялся делами. Или тебя прихватили внезапно?

– Какая внезапность? – отозвался катавший по столу хлебные шарики Лушин, скривив брыластое, отекающее лицо. – Ему же заранее звонил этот грек Александриди, приглашал на встречу. Ты что, Михаил, не догадался?

– Тебя бы туда, – огрызнулся Котенев. Еще смеют ему не верить, сомневаться? Он там вертелся ужом на сковородке, торговался до потери пульса с проклятым Куровым, а они держат его за дурачка-малолетку? – Я пошел с диктофоном, но у них есть прибор, засекающий запись. В общем, во избежание грубого насилия, пришлось кассету отдать, а диктофон вернули.

– Слабое утешение, – хрустя пальцами, желчно заметил Хомчик. – Но техника – это серьезно!

– Еще бы, – фыркнул Михаил Павлович, вытягивая под столом ноги. Если бы приятели знали, как он устал за последние сутки, то не городили бы ерундовых подозрений, а присоветовали что толковое. – Вы не можете правильно оценить обстановку! Они знают о нас практически все, а мы о них – ничего. Дадут ли они время собрать на них компрометирующую информацию?

– Сомневаюсь, – наливая себе минеральной, заметил Лушин. Лицо его сделалось мрачным, под глазами набрякли мешки, видимо, начало мучить все чаще одолевавшее давление.

– Как я понял, у них есть своя разведка, контрразведка и боевые отряды или отряд. Это организация, но я не представляю, насколько они действительно сильны и какова степень их опасности для нас. – Котенев замолчал ненадолго, пожалев, что поторопился сжечь подаренные Куровым документы: они сумели бы убедить его приятелей лучше всяких слов. С другой стороны, стоит ли им демонстрировать собственную изнанку, которая не всегда бывает чиста? Если они увидят, как Котенев и их надувает, то захотят ли встать с ним плечом к плечу в борьбе с мафией Сергея Владимировича? Впрочем, и так нет никаких гарантий, что встанут. Но надо тянуть их за собой, поскольку одному грозит неминуемая гибель. – В случае обострения они могут просто сдать нас МВД, – тихо закончил он.

– Дела, – потерянно вздохнул Лушин, ероша сильно поседевшие волосы, пропуская их между пальцами, словно лаская, – но и в ярмо к этому другу мне не хочется. Кстати, как там его кличут?

– Да, ты нам еще не назвал его имени, – встрепенулся притихший Хомчик.

Михаил Павлович представил себе, как вытянутся рожи его приятелей, если он назовет имя Курова, но, вовремя вспомнив сделанное им предупреждение, прикусил язык – кто знает, как в дальнейшем повернутся дела и кому ты будешь ближе? Да и подозрения еще не рассеялись полностью. Вон Александр Петрович Лушин опустил глаза в стол, опять катает шарики из хлебного мякиша и сопит, ожидая ответа. Расползшийся, обрюзгший, в туго обтянувшей его жирные тела белой рубахе, с дорогим импортным галстуком, он почему-то напоминал Котеневу уродливого бегемота-альбиноса. Или такое сравнение рождает желтовато-блондинистые волосы Лушина, густо пересыпанные ранней сединой, его покрасневшие от давления и нервного напряжения глаза?

Хомчик нахохлился, втянул голову с темными, чуть вьющимися волосами, в которых спряталась плешь, в острые худые плечи и косит черным глазом – недоверчив, ох недоверчив. А ноги, обутое в мягкие туфли, мелко подрагивают, выдавая тщательно скрываемое волнение. Рядом с оплывшим Лушиным Рафаил кажется тонким и стройным, хотя и у него заметно округлилось брюшко.

– Он называл себя Тятя, – поняв, что дальше молчать нельзя, сказал Котенев. – Я не знаю, кличка это или фамилия.

– Крестный отец, – горько засмеялся Рафаил. – Такой фамилии я никогда не слышал, а ты? – Он повернулся к Лушину.

Тот, подняв к потолку глаза, шевелил губами, словно творил молитву Всевышнему, прося оборонить от напасти.

– Ты чего? – окликнул его Хомчик. – Оглох?

– Нет, – досадливо дернул плечом Александр Петрович, – вспоминаю. Среди крупных деловых людей я не знаю никого с подобной фамилией или прозвищем. Надо навести справки,

вдруг он не столичный, а приезжий? Мало ли какие дела привели сюда, не может же его вообще никто не знать?

– Ты прав, – согласился Хомчик, незаметно поглаживая ладонью вздрагивающую коленку.

Услышанное от Котенева придавило его, как внезапно рухнувший потолок. Слушая рассказ Михаила, он лихорадочно прикидывал, как скоро сможет полностью выйти из общего дела и податься в другую сферу – человек, обладающий деньгами, опытом ведения торговых операций, да еще имеющий возможность помочь желающим вложить имеющиеся у них средства в камушки, всем нужен, и всегда его примут с распростертыми объятиями. В крайнем случае всегда остается запасной вариант – уехать к брату. Тот давно уговаривает бросить Москву, обещая помощь и поддержку на первых порах. К тому же семейное дело практически беспроигрышный вариант: неужели родные братья не смогут договориться?

– Не исключен блеф, – словно угадав мысли Михаила Павловича, продолжал солидно рассуждать Лушин. – Обстричь нас ладится, подлец, а у самого, кроме детского пугача, ничего за душой нет. Можешь встретиться с ним еще раз? Он тебе дал свои координаты?

– Нет, – ответил Котенев. – Сказал, что сам позвонит или найдет, но просил не тянуть с ответом.

– Какие у него к нам предложения? – не выдержал Хомчик и, вскочив, снова заметался по предбаннику. – Грабеж, натуральный грабеж! Полная, или почти полная, потеря самостоятельности! И это он смеет называть предложением?!

– Тихо ты, банщик услышит, – цыкнул на него Михаил Павлович.

– Он на улице, охраняет наш покой, – усмехнулся Лушин. – А Рафаил прав, как ни крути. Давайте лучше выждем, поглядим, что дальше будет. Если этот Тятя пустышка, то все выяснится само собой. Потяни время, Миша, согласиться всегда успеем.

– Я тоже за это, – озабоченно поглядев на часы, заявил Хомчик. – Если пока все, то мне пора: надо сына забрать от преподавателя английского.

– Оптимист, – засмеялся Котенев. – Сына английскому обучаешь? Знаешь, сейчас оптимисты учат английский, пессимисты долбят китайский, а реалисты осваивают автомат Калашникова.

Рафаил безглаголиво выпятил нижнюю губу и прищурился; Лушин захохотал, хлопая себя ладонями по животу.

– Я ухожу, звоните, если что, – поклонился Хомчик и вышел.

– Париться будешь? – расстегивая рубаху, спросил Александр Петрович у Котенева. – Не зря же сюда приехал?

– Но и не за тем, чтобы париться. Мне тоже надо собираться, дел по горло.

– Давай, – скидывая туфли, равнодушно отозвался Лушин.

Он подал Михаилу Павловичу потную мягкую ладошку.

Пожимая его руку, Котенев слегка поморщился – непробиваемый Сашка, как есть толстокожий бегемот. Ему про важные дела битый час толковали, а он еще париться надумал. Господи, с кем приходится работать и решать проблемы бытия?

На улице накрапывал дождь, сеявший из тихо подкравшейся тучки. Шустро пробежав к автомобилю, Котенев сел за руль и выехал за ворота.

Впереди образовалась пробка – женщины в ярких оранжевых куртках сбрасывали с машины горячий асфальт прямо в глубокие лужи на проезжей части. Каток вминал дымящиеся кучки в выбоины, выдавливая наверх грязную, с потеками масла и нефти, воду. Несколько дорожных рабочих чистили щетками ограждения, отделявшие тротуары от мостовой, другие готовились их окрасить.

«Камуфляж и показуха, – еще больше обозлился Михаил Павлович. – Потратят силы, деньги, а толку на три дня. Какое неизбывное ханжество, когда же отучимся от того, что лучше

перегнуть, чем недогнуть? Неужели опять готовимся кого-то встретить или осуществить проезд высокого руководства, пуская ему пыль в глаза, создавая видимость порядка и благополучия?..»

Дома он поужинал, как обычно на кухне, принимая поданные Лидой тарелки и тихо радуясь, что она опять молчит, не заводит надоевших разговоров и не поднимает скандала. Потом немного посмотрел телевизор, ответил на пару незначительных телефонных звонков и отправился спать.

Погасив свет в спальне, Котенев слышал, как нежно шуршит снимаемое Лидой белье, и чувствовал растущее в нем желание – что он, в конце концов, не имеет прав на собственную жену? Она еще молодая, привлекательная женщина, мужики головы сворачивают, когда Лидка проходит мимо, а Татьяна уехала, и он сам не святой и не монах. К тому же, как утверждают медики, длительное половое воздержание приводит к психозу.

Скользнув под одеяло жены, он провел ладонью по ее горячему телу.

– Лидок, давай помиримся. – Жадно ища ее губы, жарко зашептал: – Я был не прав, все сделаю, помогу Виталику, правда помогу...

Виктора Ивановича Полозова в доме Куровых принимали радушно. Высокий, даже к шестидесяти годам сохранивший юношескую стройность и спортивную подтянутость, элегантно одетый, всегда имеющий веселое расположение духа и запас свежих пикантных анекдотов, Виктор Иванович быстро становился душой компании.

Вручив хозяйке дома букет алых роз и церемонно поцеловав руку, он поздравил ее с семейным торжеством и вручил подарок, извинившись, что вчера дела не позволили ему присутствовать за общим столом. Прощение было даровано милейшему Виктору Ивановичу незамедлительно.

За столом Полозов весело расспросил дочь Куровых об успехах в модном дизайне, дав ей при этом ряд профессиональных советов; терпеливо и внимательно выслушал престарелую тещу Сергея Владимировича, постоянно жаловавшуюся на врачей, и пообещал достать в «кремлевке» дефицитное лекарство от гипертонии; поинтересовался, что пишет работающий за рубежом сын хозяев и как поживает его семья; выпил рюмочку фирменной домашней наливочки и отведал пирога с китайским жасминовым чаем, рассказав пару занятных историй. Все остались чрезвычайно довольны.

Наконец Сергей Владимирович получил возможность увлечь гостя в кабинет покурить.

– Присаживайся, – раскрывая перед ним коробку бразильских сигар, предложил Куров. – Жалко, вчера не приехал, у меня нужные люди собирались, мог бы и вырваться на часок.

– Не мог, – обрезаая кончик сигары, улыбнулся Виктор Иванович. – А ты уже поговорил?

– Естественно, – наливая коньяк, отозвался Сергей Владимирович. – Зачем тянуть? Знаешь, в нашем деле, как в той поговорке: кто с ножом, тот и с мясом. Есть запись. Этот подлец притащил с собой диктофончик, но ребята вовремя раскусили его штучки. Будешь слушать?

– Обязательно, – кивнул Полозов, устраиваясь поудобнее в кресле и зажигая сигару.

Куров достал магнитофон, вставил в него кассету.

Секретов от Виктора Ивановича у Курова не было – они знали друг друга слишком давно и хорошо. К тому же Полозов раньше был женат на покойной сестре Сергея Владимировича и приходился ему родственником. Правда, овдовев, Виктор Иванович недолго оставался безутешен, но что поделать – живые должны думать о живых, и Куров не обижался на него.

Биография у Полозова была пестрая – в молодости он чуть не угодил за решетку, участвуя в аферах с трикотажем, но, проявив недюжинную изворотливость и отличное знание законов, вырвался, как он сам любил говорить, из «лап советского правосудия». Дело оказалось запутанным, с множеством привлекавшихся к уголовной ответственности лиц, но юридический консультант трикотажной фабрики Виктор Полозов – по сведениям БХСС, продавший одному

из дельцов целый подпольный цех, вместе со станками и рабочими, – сумел доказать свою абсолютную непричастность к трикотажному бизнесу, отделался легким испугом и несколькими месяцами отсидки в следственном изоляторе. Этого урока ему хватило на всю жизнь – Виктор Иванович более никогда не попадал в поле зрения правоохранительных органов.

Со временем он обзавелся учеными степенями и званиями, страшно полюбил заседания и участие в работе различных комиссий, став признанным специалистом по социологическим исследованиям в экономической сфере. О его давних грехах все забыли, а многие просто не знали. Тем более что грешки пришлись на начало пятидесятых годов. Учитывая новые веяния, хитроумный Полозов на всякий случай раздобыл себе бумаги, свидетельствующие о гонениях на него в период культа личности. При первом же признаке какой-либо опасности он готовился незамедлительно представить их, отстаивая собственное «честное имя».

Истинную цену изворотливого и хитрого гостя знали, пожалуй, только Сергей Владимирович да еще два-три его ближайших подручных, пользовавшиеся особым доверием, поскольку Полозов являлся главой юридической службы в подпольной империи Курова, одним из нервных центров ее мозга.

– Как? – выключив магнитофон, поинтересовался Сергей Владимирович.

– Нормально, – бросив в пепельницу недокуренную сигару, довольно потер руки Полозов. – Ты хорошо его вел, достаточно жестко и в то же время не пережимая, чтобы не сломался. – По твоему совету, Витя, – сделал гостю комплимент хозяин. – Твои прогнозы на будущее?

– Прогнозы? – постукивая пальцами по подлокотнику кресла, переспросил Полозов. – Трудно так сразу, я же его мало знаю, только по материалам, фотографиям, да еще мельком видел в коридорах министерства. Разве достаточно, чтобы составить полное мнение о человеке, тем более из делового мира? Там у всех не одно и даже не два лица.

– Ну-ну, – улыбнулся хозяин, – не скромничай.

Виктор Иванович отхлебнул из чашки кофе и разочарованно почмокал губами:

– Остыл... Что я тебе скажу? Надо полагать, причем учти, это сугубо мое личное мнение, он не побежит ни в КГБ, ни к милицейским операм. Будет встреча компаньонов и долгий базар. Кстати, среди них у тебя нет своего человека?

– Они соберутся узким кругом, – отмахнулся Сергей Владимирович, – мой человек туда не сможет попасть. Но идея мне нравится: я подумаю, как прикормить кого-нибудь из основных компаньонов Мишки и, при необходимости, сменить руководство в его клане.

– Это на будущее, – раскуривая новую сигару, кивнул гость. – А сейчас, надо полагать, они захотят выждать, проверить силу противника. Ты слегка нажмешь, но не грубо. Никаких жертв и насилий, будем бить рублем, чтобы сам побежал к нам. Объявить открытую войну всегда успеется, но тогда – прощай деньги!..

Все вроде бы входило в привычную колею – отношения с женой, работа. Призраки, порожденные разговором с Куровым, таяли, как мираж, гонимый порывами свежего, холодного ветра. И еще одна радость – звонила Татьяна, дочка поправляется, и скоро ей можно будет вернуться в Москву. Надо бы летом отправиться отдыхать на машине вместе с Таней и закатить к ее родне, взять дочурку, побыть у теплого моря: ребенку это пойдет на пользу, если, конечно, там опять не закроют пляжи из-за холеры или дизентерии.

А Куров – что Куров? От него ни слуху ни духу, ушел в подполье, не напоминает о себе, не звонит, не торопит, а сам Котенев старается с ним не встречаться, справедливо полагая, что так лучше и спокойнее: береженого и Бог бережет. Шевелятся, конечно, червячки сомнения в душе, но так уж устроен человек: ему свойственно во всем сомневаться. Лушин и Рафаил по ноздри в делах, свалили все на него и молчат, надеясь на самотек разрешения всех проблем. Шут с ними, пусть себе молчат и куют копейку.

Михаил Павлович закурил и вынул записную книжку, начав перелистывать ее странички – кому позвонить насчет родственничка? Так, это телефончик нужного человека в автосервисе, это мебель, это насчет стройматериалов, а вот этот, пожалуй, сможет хоть чем-то помочь.

Разгладив страничку записной книжки, чтобы она не закрывалась, Михаил Павлович протянул руку к телефону, намереваясь снять трубку, но резкий звонок аппарата заставил его слегка вздрогнуть от неожиданности и отдернуть руку. На секунду им овладел суеверный страх – уж не накликал ли он своим благодушием на себя лихо, не Сергей ли Владимирович на том конце провода и теперь слушает долгие гудки?

– Да. – Обругав себя, Котенев все же снял трубку. Чего прятаться? Если это Куров, то он все равно найдет возможность выковырять тебя из любой щели.

– Михаил Павлович? – Голос совершенно незнаком, судя по тембру, говорит еще не старый мужчина. Неужто очередной грек?

– Я. Кто это?

– Приветик от родни привез, – хмыкнули на том конце провода.

– От какой родни? – не сразу понял Котенев.

– Разговор есть, – сообщил незнакомец, – а приветик тебе от Виталика Манакова, если он родней приходится.

Михаил Павлович вытер ладонью покрывшийся испариной лоб – неужто происки проклятого Курова? Провоцирует, подослал какую-то шавку звонить по телефону, надеется еще больше грязи нарыть и измазать ею по уши? Хотя зачем ему размениваться на подобные мелочи? Но тогда кто это, неужели пришелец *оттуда*?

– Чего молчишь, эй, алле?! – забеспокоились на том конце провода.

– Слушаю, – успокоил Котенев.

– Я думал, ты отключился, – хохотнул незнакомец. – Встретиться надо, потолковать, родственничек просил.

– Откуда вы взялись? – не выдержав, спросил Михаил Павлович.

– Откинулся недавно, сейчас колодки проколол и все по закону, а звоню из Сокольников. Так чего?

Котенев невольно поморщился, слушая жаргонную речь, – ну и приятели завелись там у Виталия, почти невозможно понять, что говорит, хотя вроде бы все на русском языке. Впрочем, чего удивляться, не из-за границы человек приехал, а совсем из другого мира, спрятанного за колючкой.

«Сколько же у нас на самом деле миров, в нашей родной стране? – невесело усмехнулся он, свободной рукой вытягивая из лежавшей на столе пачки сигарету. – Трудно сосчитать, и зачастую один мир совершенно не понимает и не принимает другой, хотя они сосуществуют в одном времени и измерении, на одной территории и их представители внешне почти ничем не отличаются друг от друга».

– Где хотите встретиться и когда? – прикуривая, поинтересовался Михаил Павлович. – У меня не так много свободного времени. И что вы мне до этого сказали, я не совсем понял?

– Освободился, говорю, – с расстановкой, как недоумку, начал пояснять мужчина, – паспорт получил, прописался. Подъезжай сюда, в Сокольники, я тебя у метро встречу, только скажи, во что будешь одет.

– Приеду на машине, через час, – бросив взгляд на табло настольных электронных часов, пообещал Котенев. – Вы один? Хорошо. Как зовут? Григорий? Ладно, запомните номер машины, я остановлюсь у магазина «Зенит», знаете?..

Дорогой он раздумывал над неожиданным звонком по телефону – чего там приключилось с Виталием, почему он дал его рабочий телефон неизвестно кому и что этот неизвестный хочет ему передать из зоны.

Припарковавшись около магазина, Михаил Павлович положил руки на баранку и огляделся – где этот посланец из ада? На остановке автобусов стоит толпа, люди идут к метро и из него, ныряют в двери магазина. Интересно, сможет он среди них узнать пришедшего *оттуда*?

По стеклу машины постучали. Котенев оглянулся – рядом с жигуленком стоял среднего роста парень с нахальными глазами и хитровой улыбочкой, кривившей губы. Ничего особенного, только под глазами желтеют еще не до конца сошедшие синяки.

«Ручная работа, – усмехнулся Михаил Павлович, – набили ему где-то физиономию. Мда, подарочек».

– Привет, – выйдя из машины, поздоровался он, но руки не подал.

– Ты Михаил? – сплюнув в сторону, спросил парень.

– Я. Вы звонили? Чего нужно?

– Есть хочется, – усмехнулся Григорий.

– Хорошо, пошли. – Выругавшись про себя последними словами, Котенев направился к входу в парк.

Молча дошли до шашлычной. Котенев дал Григорию деньги, велел взять шашлыков и сухого вина, а сам сел за столик – не выступать же ему в роли официанта при этом уголовнике, а что пришел уголовник, и так сразу ясно: татуировки, жаргон и, самое главное, откуда он пришел!

Григорий быстро принес салаты, вилки, граненые стаканы, пять порций шашлыка и две бутылки портвейна. Разлил, не дожидаясь Котенева, выпил и начал жадно поглощать мясо, чавкая и вытирая рот тыльной стороной ладони с синими разводами наколок.

– Чего не пьешь? – поднял он на Михаила Павловича глаза.

– Я за рулем, – коротко объяснил тот. – В чем дело, скажите наконец?

– Родственник твой, – принимаясь за вторую порцию шашлыка, начал Григорий, – обещал, что ты мне заплатишь за услугу.

– Какую услугу?

– За то, что передам, как велено.

– Сколько? – Котенев сунул руку в карман за бумажником. Интересно, насколько развита фантазия у этого голодного и пьющего животного? Сколько он запросит и за какую информацию?

– На первый случай меня устроит тыщонка, нет, полторы, – быстро поправился Григорий и протянул через стол руку.

Михаил Павлович покорно вложил в нее пачку денег:

– Говори!

– Виталик просил напомнить, что он никого не взял с собой, – тихо сказал посланец. – Ты должен его вытащить оттуда или перевести. Велел рассказать, каков там санаторий, однако стоит ли? Это и так любой знает, что не курорт, а вот насчет его молчания подумай, Михаил Палыч.

– Так, значит? – Настроение у Котенева резко испортилось: сидит за проволокой щенок и лает на луну, брешет там кому ни попадя о делах родни да еще требует помощи, угрожает? Соображал бы, подлец, что язык головы лишить может. – Спасибо за сообщение. – Михаил Павлович застегнул пиджак, собираясь уйти. – За все уплачено, доедайте и допивайте, а мне пора.

– Это как? – удивился Григорий. – Погоди, еще не все.

– Что еще?

– У меня тоже просьба есть. Приткнуться мне надо на приличное место, чтобы с деньгой и не горбатиться лишнего. Но с моей биографией не очень-то жалуют в отделах кадров. Надо помочь.

– К сожалению, я не располагаю такими возможностями, – встал Котенев. – Всего доброго.

– Постой, – поднялся Григорий. – Тогда ссуди деньжат, если не желаешь помочь.

– Сколько?

– Семь тысконок дашь, и разбежимся, – нагло улыбнулся посланец.

– Обкакаешься от жадности, – почти ласково сказал ему Котенев. – Держи еще за хлопоты и гуляй!

Он сунул в нагрудный карман рубашки Григория купюру, но тот ловко прихватил его руку:

– Дешевку нашел?

– Послушайте, милейший, – вырвал свою руку Михаил Павлович. – Здесь не место и не время. Люди оглядываются. Пошли на улицу, там поговорим.

Григорий с сомнением поглядел на Котенева – чего это вдруг тому приспичило разговоры заводить на улице, уходя от стола с недопитым вином? Или это для него так, мелкие брызги? Привыкли шиковать тут, но сейчас не на такого нарвался! Анашкин своего шанса не упустит – жирный карась бьется на крючке, и не наколоть такого фраера, еще не нюхавшего, почем фунт лиха, все равно что себя не любить.

– Зачем на улице? – набычился Ворона.

– Я же сказал, люди на нас оглядываются, – понизив голос, миролюбиво ответил Михаил Павлович. – Излишнее внимание ни к чему. Пошли, пошли. – И он потянул Григория за собой к выходу.

На крыльце шашлычной Котенев огляделся и, быстро сориентировавшись, завел Ворону за здание харчевни. Там, на задах, было тихо и безлюдно, стояли вонючие мусорные баки и тянуло сизым шашлычным дымком.

– Так, за что я должен платить? – брезгливо отшвырнув носком туфли смятую грязную бумажку, спросил Михаил Павлович.

– Родня твоя за валютку сел? – Анашкин облизнул языком пересохшие губы: жалко оставленной на столе недопитой бутылки портвейна, но выигрыш от разговора мог стать неизмеримо больше и обеспечить безбедное существование на некоторое время. – А за такие дела просто не садятся, согласен?

– Короче, ближе к делу.

– Ты тоже человек, как я вижу, не бедненький? Не боишься, что Виталик разматываться начнет? Помоги ему и помоги мне, чтобы и я язык за зубами держал крепко...

Договорить он не успел – Котенев резко двинул его в солнечное сплетение, а когда согнутый его ударом Ворона сломался пополам, добавил сверху по почкам.

Анашкин рухнул ему под ноги, захлебываясь слюной и блевотиной, корчась от жуткой боли и кривя рот в беззвучном крике, пытаясь протолкнуть в себя хоть немного воздуха, впитавшего гнилые запахи помойки.

– Забудь навечно мой телефон, – наклонившись к его лицу, прошипел Михаил Павлович. – Еще раз объявишься, приблю!

Выпрямившись, он с размаху пнул ногой Григория и не оглядываясь пошел прочь...

На остановках автобусов все так же толпился народ, взблескивали стеклами двери магазина «Зенит», впуская и выпуская покупателей, бойко торговала мороженщица в обшарпанном киоске, со всех сторон облепленном страждущими, клонилось к закату усталое солнце, утомленно взиравшее на извечную суету огромного, загазованного, грязного и перенаселенного города, казалось целиком состоящего только из камня и толпы людей, среди которых терялись хилые островки чахлой зелени.

Котенев слегка подрагивавшей рукой отпер дверь машины и тяжело плюхнулся на сиденье – экое несуразное получилось свиданье. Угрожает еще, вымогатель, шантажист несчаст-

ный! И Виталий хорош, нашел кому доверить передать приветик из своего далека, отыскал гнусную блатную рожу, дал телефон, совершенно не подумав, кому и *что* он доверяет.

Михаил Павлович плавно тронул с места, вырулив на оживленное шоссе – сейчас останутся позади старое здание станции метро и темно-красная пожарная часть с каланчой, а вместе с ними и, наверное, уже пришедший в себя посланец из зоны, валяющийся около мусорных баков на задворках шашлычной. Забыть о нем, наплевать и забыть, больше не сунется!

Настроение было поганым, и всякое желание хоть чем-то помочь бедному Виталику Манакову абсолютно пропало...

Глава 5

Вопреки надеждам и ожиданиям Манакова, Ворона позвонил Михаилу Павловичу далеко не сразу по возвращении в Москву. До их встречи в Сокольниках произошло еще множество совершенно различных событий.

В столице из родни у него осталась только тетка – немолодая, прижимистая и пьющая. Помня об этом, Ворона прямо с вокзала отправился на поиски спиртного и только потом заявился к ней.

Приняла она его неласково – поджала губы провалившегося беззубого рта и уставилась на племянника сухими маленькими глазками. Поздоровавшись, Григорий выставил на стол купленную бутылку и, скинув куртку, уселся на стул. Тетка молча собрала закусить, подала стаканчики, вилки, нарезала хлеба. Выпили.

– Жить-то у меня полагаешь? – сложив руки на животе, поинтересовалась тетка, разглядывая племянника, словно барышник, оценивающий лошадь на ярмарке в воскресный день.

– Где же еще? – изумился Гришка. – У меня тут площадь была, права имею.

– А тебя пропишут?

– Пропишут, если ты поперек встать не станешь. Да и тебе чего одной мыкаться. Небось персональной пенсии не заслужила?

– Кормилец, – презрительно фыркнула тетка, – живу, как видишь, с голоду не померла. Где приберусь, когда в соседнем магазине полы наймусь помыть, вот и перебиваюсь. Но ты на мои деньги не зарься, я тебя кормить не собираюсь.

– Ладно тебе, – миролюбиво сказал Анашкин.

Ссориться с теткой раньше времени в его планы никак не входило: сначала надо прописаться, осмотреться, найти местечко получше, да и настроение было шоколадное – воля, Москва, с детства знакомая квартира, в которой, похоже, так ничего и не изменилось за годы его отсутствия. Да и с чего бы тут произойти изменениям? Пенсия у тетки маленькая, ходит она в старье, а надо за квартиру платить, есть, пить, одеваться-обуваться, да и на лекарства небось тоже деньги идут: не молоденькая и выпивает, а это опять расход.

– Вот пропишусь, на работу устроюсь, – мечтательно протянул племянник.

– Знаю я твои работы, – хмыкнула тетка, наливая себе еще, – опять загремишь в тюрьму.

– Не, больше туда ни ногой, – покрутил начавшей тяжелеть головой Гришка. – Хватит, нахлебался. Картошка в доме есть? Пожарила бы, а то жрать охота...

Вечером, лежа на старом продавленном диване в своей комнате, Ворона меланхолично глядел на темнеющее небо за окном и, покуривая, раздумывал над дальнейшим житьем-бытьем. Нет сомнений, что милиция знает о его приезде – из колонии послали сообщение, а бабки-общественницы, видевшие его у подъезда, обязательно сегодня же настучат околоточному, как Анашкин привычно именовал участкового. Если не явиться к ментам самому, то непременно приползут сюда и начнут нервы мотать – когда приехали, гражданин-товарищ, почему сразу к нам не пришли, не подали заявление на прописочку, не предъявили нам справку об освобождении из колонии?

Противно, но неизбежно. Придется пойти и гнуться перед ними, как лакею, иначе в столице не проколешься, то бишь не пропишешься. И защитить тебя, сироту, некому – вон в газетах пишут, что у нас на триста миллионов населения всего двадцать семь тысяч адвокатов: в двенадцать раз меньше, чем в проклятой загнивающей Америке, и вообще стало их меньше на душу населения, чем даже было в тюрьме народов – царской России.

В поезде Анашкин от нечего делать взял у соседки по вагону полистать какой-то западный детективчик и прилип к нему – дают капиталисты угля на-гора! Там одного преступничка поймали, так полиция ему вежливенько говорит: имеете право не отвечать на вопросы, можете взять себе адвоката, все вами сказанное могут использовать против вас на суде, и, ежели желаете, имеете право позвонить по телефону. Сказки! Самого Григория взяли совсем не так и обращались с ним совершенно по-иному.

Какой адвокат захочет заниматься его трудоустройством и пропиской? В лучшем случае девица или лысый дядька в юридической консультации зачитает тебе статью из кодекса и начнет ее мутно толковать, чтобы ты поскорее отвалил от него – клиент Анашкин явно невыгодный, стоит только на рожу поглядеть, как сразу ясно – денег тут не выжмешь.

В общем, как ни кинь – всюду клин получается. Правда, есть одна толковая зацепочка – шепнул в зоне надежный кореш адресок, по которому готовы принять и помочь таким, как Гришка: денжат дадут, к делу пристроят, пособят по возможности, но паспорт все равно надо получать. И цены в магазинах за время его вынужденного отсутствия стали бешеные.

Повернувшись на бок и стараясь не обращать внимания на жалобный писк старых пружин диванного матраца, Ворона почесал голую татуированную грудь и тяжело вздохнул – пойдешь по адресочку, попадешь в кабалу к авторитетам блатного мира, станешь опять шестеркой, а так хочется своего дела. Какого? Об этом-то и болит голова от непривычного мыслительного процесса, а думать надо, очень надо, чтобы опять не ошибиться, не свернуть ненароком на торную дорогу в зону.

Утомленный размышлениями, он незаметно заснул, радуясь, что пробуждение опять будет приятным – без надоедливости топота и крика, без лагерной побудки.

Утром Григорий попил чаю, умылся, наскоро побрился и потащился в отделение милиции. Именно потащился, поскольку ноги туда идти чего-то совсем не хотели.

Принял его занудливый капитан средних лет, одетый в мятую форму с торчавшими на плечах засаленными погонами, на которых почти терялись давно утратившие свой золотистый цвет звездочки. Пыхтя зажатой в прокуренных зубах беломориной, он внимательно перечитал поданные Григорием документы.

– Ну, как дальше будем, дорогой Анашкин? – бросив окурок в стеклянную, давно не мытую пепельницу, прищурился капитан. – Желаете прописаться у тетки?

– Желая, – глядя в покрытый истершимся линолеумом пол, буркнул Ворона. Как будто мент сам не знает, зачем к нему пришли? Если бы можно было без него обойтись, неужели кто сюда по доброй воле отправится? Таких вроде нету.

– А как с работой будем?

– Пойду устраиваться, – вздохнул Гришка, представив себе лица кадровиков. – Я, когда сюда к вам шел, объявления видел. Везде люди требуются.

– У тех, кто требуется, паспорта есть, – доставая новую папиросу, многозначительно бросил капитан.

– Так надо бы и мне получить, – просительно начал ловить его ускользающий взгляд Анашкин. – А там положенное время пройдет, и можно в анкетах писать, что несудимый.

Капитан надулся и, кольнув Ворону острым взглядом, подтянул к себе поближе его бумаги.

– Та-а-ак, – протянул он. – Срок до трех лет? Могу пояснить, что статья сорок седьмая Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а в вашем случае – ста-

тять пятьдесят седьмая Уголовного кодекса РСФСР, устанавливает условия, при которых лицо, совершившее преступление, признается не имеющим судимости. Когда пройдет три года, если вы, конечно, не совершите нового преступления, можете писать в анкете, что не судимы. Ясно?

Анашкин кивнул. Чего тут непонятного, все как божий день. Хотелось спросить, когда дадут паспорт и решат вопрос с пропиской у тетки – ведь от этого зависит и его трудоустройство?!

– Зайди ко мне через две недельки, – отодвигая бумаги на край стола, велел капитан.

– Долго больно ждать, – пожаловался Ворона.

– Мы тут тоже без дела не сидим, – насупился страж законности, – а такие дела я один не решаю, не положено.

– До свидания, – слегка поклонился ему Григорий и вышел.

Вот, отдал документику на прописочку и получение паспорта, а теперь жди ответа, как соловей лета. И чего ему делать целых две недели, чем заниматься?

Спустившись на первый этаж, он прошел через помещение дежурки, где за пластиковым прозрачным экраном восседал около пульта милиционер с красной повязкой на рукаве серого мундира, и хлопнул входной дверью.

Некоторое время он покурил, сидя на лавочке в чахлом скверике, неподалеку от отделения – напротив образовалась стихийная стоянка машин автолюбителей, и Григорий, не в силах совладать с собой, жадно затягивался, разглядывая чужие «аппараты», сияющие гладкими, лаковыми боками. В кончиках пальцев даже появился знакомый зуд, словно сейчас он просунет тонкую отвертку в замочную скважину автомобильной двери, пошурует там, и она распахнется, пропуская его в салон. Завести чужую тачку для специалиста левое дело, труднее другое – отыскать секретку или избавиться от разных противоугонных устройств.

Однако Ворона и в этих делах порядочно поднаторел. В группе, занимавшейся хищением новеньких дорогих автомобилей, ему принадлежала роль отгонщика. Один человек ходил высматривать железного коня, которого готовились свести современные конокрады, а потом сообщал о своих наблюдениях, и в дело вступал Анашкин. Частенько информация о новой дорогой машине поступала прямо от людей из магазина, и тогда задача упрощалась – высматривали, где хозяин оставляет свою ненаглядную красавицу, Григорий вскрывал дверь, заводил мотор и угонял машину, передавая ее с рук на руки в условленном месте другому члену группы. Дальнейшее его уже не касалось – получал свою долю и ждал следующего случая, когда надо будет опять угонять чужих лошадок. Перекрашивали автомобили, ставили на них новые номерные знаки, перебивали маркировку мотора и кузова, добывали документы на право владения автомобилем и техпаспорта уже другие. Когда Анашкин попался, он «сознался» в том, что хотел угнать чужую машину, но ни словом не обмолвился о тех, других. Поскольку к тому времени Григорий Елизарович Анашкин совершил угон автотранспортного средства без цели хищения повторно, а такие действия подпадали под часть вторую статьи двести двенадцатой прим, суд определил ему наказание в два с половиной года лишения свободы, с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии общего режима.

«Ласточка, – лаская взглядом округлые формы новой модели „жигулей“, млел Ворона, – обводы как у яхты. Хороша! Кругом инфляция, а машинки в цене не падают. Вот людишки и вкладывают бабки в тачки, да еще попробуй ее купи без очереди. Угнать такую, с руками оторвут».

Однако, прежде чем решаться на подобное, надо знать – кому отдать машину. Ну угнал, покатался, а дальше что? Где взять для нее номерные знаки, техпаспорт, где перекрасить и прочее. Нет, без старых приятелей не обойдешься.

С трудом оторвавшись от соблазнительного созерцания чужих машин, Ворона докурил и, нашарив в кармане монету, отправился на поиски телефона-автомата. Войдя в кабину, снял

трубку и набрал номер. На третьем гудке раздался шелчок, и незнакомый женский голос прорывался:

– Я слушаю.

– Мне Петю.

– Он тут больше не живет.

– Алло! – боясь, что она сейчас повесит трубку и он ничего не успеет узнать, закричал Ворона. – Как ему теперь звонить? Это его товарищ, я в отъезде был.

– Не знаю, – голос у женщины немного подобрел, – мы получили квартиру за выездом, поэтому ничем не могу помочь. Извините. – И короткие гудки отбоя.

Чертыхнувшись – надо же, куда-то подевался старый дружок Петька, уж не загремел ли следом за Анашкиным в зону? – Григорий набрал другой номер.

– Алло, Голубева мне, пожалуйста.

– Слушаю, – заурчал в наушнике густой бас. – Это кто?

– Гриша Анашкин, не признал?

– Гришка, ты? Откуда свалился? Давно пришел?

– Третий день, – неохотно ответил Ворона: чего распространяться о своих делах по телефону. – Повидаться бы надо.

– Подъезжай к гаражам, – предложил Голубев, – я через полчаса буду там...

До кооперативных гаражей Анашкин добрался на автобусе. Сойдя на последней остановке, форсировал широкую, полную грязной воды канаву и начал пробираться через пустырь, напоминавший поле битвы строителей с внеземными пришельцами. Наконец впереди показались коробочки гаражей.

Голубева он нашел около ободранной и подготовленной к покраске машины – приятель, одетый в старые, заляпанные потеками масла брюки и линялую рваную майку, тщательно зачищал мелкой шкуркой заднее крыло, мурлыкая под нос какую-то песенку. Увидев, как сзади выросла чужая тень, он обернулся:

– А, это ты? Привет.

– Здорово. – Ворона пошарил глазами по сторонам: время раннее, в гаражах пусто, большинство боксов закрыто на большие висячие замки, только вдаль возится со своим древним «москвичом» такой же древний автолюбитель-пенсионер.

– Какие дела? – выпрямился Голубев, вытирая руки ветошью. Он был на голову выше Григория, плотнее, из брюк вываливалось огромное пивное пузо. Прорехи майки сияли белой, не тронутой загаром кожей. Зато лицо, шея и руки приятеля походили цветом на вареный бурак, за что он и получил кличку Свекольный.

– Петьке звонил, – сплюнув в сторону, сообщил Ворона. – Съехал он куда-то. Вот решил тебя побеспокоить.

– Решил так решил, – равнодушно ответил Свекольный, доставая сигареты. – Хочешь делом заняться? Тогда возьми к себе. Поломаться придется, но деньги заработаешь, правда не сразу. Сейчас в автосервисах очереди, и дерут они, сволочи, а я всегда тут. Или у тебя чего другое на уме?

– Другое, – не стал скрывать Анашкин. – Я сегодня бумаги на прописку носил, паспорт надо получать. Пробалакал там, а потом мимо стояночки шел: отличные «аппараты» стоят, так и просятся. Люди нужны. У тебя я всегда успею наломаться.

– С людьми плохо, – поморщился Голубев, словно у него неожиданно заболели зубы. – Многие следом за тобой отправились, где Петька, я не знаю, уже с год не объявлялся, а кто остался – оборвались отсюда на юга.

– Неужели никого? А где Ручкин?

– Пупок греет у теплого моря. Карла и Крапива с ним уехали, нету никого из старых, а с новыми я дела водить опасаясь.

Свекольный смял окурок толстыми мозолистыми пальцами и отбросил его в сторону, показывая, что перекур закончен, а с ним пора завязывать и разговор – чего Ворона навязался, ведь русским языком сказано: нету никого из старых подельников! Неужели, если была бы такая возможность, сам Голубев упустил бы ее? Да ни в жизнь! Он отменный жестянщик, может отладить движок у любой тачки, запросто перебьет номера на двигателе, перекрасит за считанные часы, и будет чужая машинка выглядеть совершенно по-другому, но... Риск связываться с неизвестными людьми слишком велик, а в гаражах и так сыт, пьян и нос в табаке. Нет, надо отваживать Ворону.

– У тебя все? – взяв с капота кусок шкурки, спросил Свекольный. – Ко мне клиент сейчас должен подойти.

– Ты это, коли такой богатый, ссудил бы денег, – попросил Анашкин. Раз сорвалось одно, хотя бы надо попытаться отгрызть от дохода Свекольного. Неужели не даст?

– На. – Сунув руку в карман, Голубев вытащил несколько скомканных купюр, сунул в ладонь Вороне. – Отдашь, когда будут. Ты заходи, если что. Адресок-то у тебя старый будет?

– Старый, – расправляя деньги и пряча их во внутренний карман пиджака, буркнул Гришка и не оглядываясь пошел к воротам.

Куда теперь податься? Домой идти неохота – там сейчас тетка, опять начнет нудить, считать медяки и вздыхать, попрекать куском хлеба, как будто он не выделил ей денег на хозяйство. Да разве она бывала хоть когда-нибудь всем довольна?

Дождавшись автобуса, он поехал к метро. День разгорелся, в салоне полно пассажиров, а один юркий малый все прижимается к полной даме, стоящей в проходе. Приглядевшись, Ворона заметил, как рука парня скользит к сумке дамы – карманники? Обычно они не работают по одному. И действительно, рядом с полной дамой трется еще какой-то мужчина, а с другой стороны пристроилась размалеванная девица в платье из марлевки: сейчас юркий малый откроет сумочку, вытащит кошелек – пока напарник будет отвлекать внимание толстушки – и передаст добычу девице, а та спокойно выйдет с ней на первой же остановке.

– Нахал! – вдруг заорала толстуха и отпихнула парня. – Чего лапаешь? Милиция!

Анашкин быстро протиснулся к дверям и вышел, как только они распахнулись, – зачем ему неприятности, – а в салоне автобуса разгорался скандал. Двери закрылись, автобус тронулся, и Ворона проводил его взглядом: пусть себе катят, до метро два шага, пройдетесь пешочком.

Доехав до центра, он долго болтался без дела по магазинам, глаза на толпу и выставленные на продажу товары – особенно порадовать глаз было нечем.

Купив у спекулянта бутылку сухого вина, Ворона зашел в первый попавшийся подъезд и, проткнув пальцем пробку внутрь, встал в позу горниста. Вино оказалось кислым и отдающим перебродившим, протухшим виноградом. Поставив пустую посуду на грязный подоконник, Анашкин закурил и стал смотреть в окно на пробегающие внизу машины.

Когда он уже собирался уходить, внизу что-то смешалось, автомобили начали принимать в стороны, и по проезжей части пронеслась группа мотоциклистов – мощные машины, огромные цветные шлемы, девицы на задних сиденьях, облепленные западными этикетками бензобаки, рев, грохот и синий дым выхлопных газов. Григорий скатился вниз по лестнице и выскочил из подъезда.

– Это кто? – повернулся он к незнакомой девушке, тоже остановившейся поглазеть на пронесшихся мимо мотоциклистов.

– Рокеры, – брезгливо поморщилась она, уловив исходящий от Вороны запах спиртного. – Говорят, запретили групповую езду по городу, а они все гоняют.

– Да? И куда гоняют?

– На площадке в Лужниках собираются, – неохотно ответила девушка и ушла.

Мысль отправиться в Лужники на метро Анашкин отбросил сразу – не в его положении, да еще слегка выпивши, рисковать: лучше наземным транспортом. Там опять же можно докапаться бесплатно, а торопиться совершенно незачем – если эти самые мотоциклисты съезжают на площадку, то сразу они оттуда не разъедутся, а вот кого-либо из нужных ему людей среди них стоит попробовать поискать...

По периметру площадки выстроились патрульные машины ГАИ, что сразу очень не понравилось Вороне – там, где присутствует милиция, добра для себя он не ждал. Однако патрульные вели себя достаточно спокойно – сидели в машинах, курили около них, облокотившись на капоты, что немного успокоило Григория.

Смешавшись с толпой рокеров, он начал переходить от одной кучки мотоциклистов к другой, приглядываясь к мотоковбоям – кожаные и нейлоновые куртки с цепями, значки, огромные шлемы, давно не стриженные волосы. Возраст разный – от семнадцати до тридцати, мотоциклы тоже разные, как и умение справляться с ними. Некоторые лихачи, демонстрируя класс, поднимали мотоциклы на «козла» и проезжали по сотне метров на одном заднем колесе, что вызывало бурный восторг остальной братии.

Спустя полчаса Ворона установил, что среди собравшихся есть ребята из профессионально-технических училищ, рабочие сцены из театров, автослесари, шоферы, продавцы, грузчики, медики и даже один негр, довольно бойко лопотавший на русском языке. Но более всего его заинтересовала компания явно прибалтнанных парней. Безошибочно определив в Анашкине своего, один из них угостил его сигаретой:

– Ты чего без колес? Не обзавелся?

– Думаю, – неопределенно ответил Гришка.

– Если бабки есть, парни из частей соберут, – пообещал новый знакомый, назвавшийся Валерой.

«Угоняют и разбирают, – понял Ворона, – а потом из разных частей собирают: рама от одного, колеса от другого, мотор от третьего. Мелочовка! Не те люди».

– Хочешь, с Гариком переговорю, – не отставал Валера. – Есть тут у нас один солист балета, поможет.

– Чего, правда, что ли? – усомнился Анашкин.

– Насчет балета? – засмеялся рокер. – Правда. У нас риск, свобода, обретение движения в рутине жизни.

Подскочил какой-то парень в полосатом шлеме и старых гаишных галифе из искусственной кожи. Лица не разглядеть – темновато, да и закрыто оно наполовину шлемом. Заорал:

– Едем! Голову не обгонять, не отставать, держаться кучей!

– Давай с нами? – предложил Валера. – У меня заднее сиденье свободно.

Ворона бросил окурок и сел на мотоцикл, обхватив Валеру сзади за пояс руками. Взрели моторы, кавалькада рокеров вытянулась уродливой рычащей гусеницей и вылетела с площадки. Оглянувшись, Гришка увидел, что в хвост их рычащей толпе городских кентавров незамедлительно пристроились несколько патрульных машин милиции.

Выскочили на Тверскую и лихо понеслись по направлению к Соколу. Пряча голову за спиной своего водителя, Гришка прикидывал: когда кончится это сумасшествие? И зачем вообще его занесло к придуркам на мотоциклах, неужто сухонькое ударило в голову на старые дрожжи? Нет, не те это люди, что ему нужны.

Остановились на площадке у аэровокзала, быстро спешили и ревущей толпой ринулись наверх в буфеты. Гомон, шум, топот, грязные руки хватили с прилавков жареных кур, бутерброды с копченой колбасой, булочки, пачки сигарет, пирожки...

Потихоньку ретировавшись – ну их к бесу, сейчас явно вызовут милицию после такого разнузданного и глупого, с его точки зрения, грабежа буфетных прилавков, – Ворона вышел на улицу и сел на трамвай. Пора подгрести к дому, давно стемнело, день кончился, не принесся

с собой желанного удовлетворения. Нет, не те все люди, с которыми он сегодня общался, не те. Надо рвануть кусок побольше и нырнуть в тину, зарыться и притихнуть, а с Голубевым или дурачками на мотоциклах каши не сварить, только заполучишь новый срок по хулиганке и будет болеть голова от похмелья на чужом пиру.

Ничего, все, пожалуй, сладится, отшлифуется. В воскресенье надо попробовать еще кое-где побывать...

В воскресенье утречком Ворона отправился на ипподром, по уже укоренившейся привычке не спускаясь в метро, а пользуясь наземным транспортом. По мере приближения цели его путешествия внутри нарастало какое-то нетерпение, словно там, впереди, на Беговой, где на высоких постаментах стоят фигуры коней, ждет некое лучезарное счастье, чуть ли не вселенская радость. Ну, пусть не совсем так, но все равно – впереди удача, долгожданная удача!

Сойдя с троллейбуса и стараясь сохранить в себе удачливые предчувствия, Ворона влился в толпу, направляющуюся к ипподрому. Народу хватало, бойко торговали программками, мороженым, радио объявляло один заезд за другим – по звуку гонга срывались с места старта и неслись по тысячешестисотметровому кругу ипподрома лошади, запряженные в легкие коляски-американки. Прекрасные животные – карачовые, чалые, соловые, воронные, – а на трибунах вставали с мест знатоки и просто болельщики, оглашая чашу ипподрома дружным криком: «Давай!»

Удар колокола, конец заезда, и тянется ручеек людей к кассам тотализатора, где кассир, как правило, округляет сумму выигрыша в собственную пользу, небрежно недодавая мелочь, а то и рубль-другой. Потолкавшись, Ворона понаблюдал за завсегдатаями, не расстававшимися с потертыми блокнотами, в которых были выписаны результаты, показанные лошадьми, участвующими в заездах, на протяжении этого сезона, сезона прошлого года и многих предыдущих.

– Нет, не надо меня убеждать, – стуча по асфальту инвалидной палкой, запальчиво спорил один старичок-завсегдатай с другим, нервно пощипывавшим желтыми от никотина пальцами седую профессорскую бородку. – Не показал себя сегодня Аперитив на разминке, не показал!

– Но вот же, вот, – возражал «профессор», тыча под нос оппоненту свой замусоленный блокнот с корявыми записями, – смотрите, что он выделял в прошлом году. Он себя еще покажет!

– Я и не думал, гадать не мог подобной резвости у Зодиака, – сокрушенно жаловался прилично одетый молодой человек своему приятелю. – Видел, как он пришел?

– М-да, – кисло соглашался приятель, – а я денег пожалел на него сегодня поставить. Если бы не жадность, сидели бы сейчас в «Беге»...

Услышав этот разговор, Гришка только желчно усмехнулся про себя – дурачки! «Тотошка» – как завсегдатаи называли тотализатор – только для додиков и дурачков. На самом деле крупная игра идет не здесь, а в других местах, и выигрыши там давно распределены – все заранее куплено и продано: заезды, призовые места, наездники и лошади.

– Могу помочь? – Неопределенного возраста личность с красными, слезящимися глазами просительно тронула Ворону за рукав. – Подскажу, на кого поставить в ординаре или, если желаете, в тройном экспresse.

Высвободив рукав из цепких пальцев прилипчивого продавца советов, как разбогатеть, Гришка прошел ближе к трибунам – некогда ему тут слушать сопливые обещания, дело есть, а красноглазый пусть пытается облапошить ничего не смыслящих в этом деле простаков, от любопытства забредших сюда и готовых выложить денежки.

Анашкин побродил около касс тотализатора – там нужного ему человека не оказалось. В стороне стояли букмекеры – неприметной внешности люди, охраняемые крепкими парнями, вроде бы безучастно взирающими на происходящее вокруг. Ворона знал, что эта публика все-

гда в крупном выигрыше, – если ипподрому остается четверть денежного оборота, проходящего через тотализатор, то в карманах у букмекеров оседает такое количество имеющих хождение в обращении денежных знаков, что только руки задрожат, если увидишь. У букмекеров есть свои люди на конюшнях, связанные с наездниками, различные подставные лица, готовые предложить хорошие барыши судьям и жокеям.

Нет, связываться с букмекерами Гришка не собирался – ему нужен был один мутный человечек по кличке Мясо.

Тот нашелся около буфета. Поздоровались. Мясо не выразил ни радости, ни удивления при виде Вороны – его выцветшие голубые глазки только оценивающе скользнули по лицу Гришки, и тут же последовала просьба:

– Пузырь возьмешь?

– Об чем звук, – дружески похлопал его по плечу Анашкин, еще не потерявший надежды на удачу. Мясо тут всех знает, и все знают его, конюшни ему открыты, наездники доверяют, букмекеры частенько просят об услугах: неужели он не сможет помочь приятелю пристроиться при хлебном деле?

Сначала хотели отметить встречу в баре, но там набилось полно народу.

– Пошли на трибуны, – предложил Мясо.

Забрались на самый верхний ярус, подальше от патрульных милиционеров. Мясо протер граненый стакан несвежим носовым платком, бормоча себе под нос, что стакан позаимствован в автомате с газированной водой, а теперь гуляет по стране СПИД и неизвестно, кто к этому стаканчику прикладывался, облизывая его губами. Слегка сполоснув стакан водкой, он разлил, щедро предоставив Вороне право выпить первым.

– Знаешь три постулата? – дождавшись своей очереди и влив в себя дозу спиртного, спросил Мясо. – Не бывает много водки, бывает мало закуски. Это первый. Не бывает плохой водки! – Он многозначительно поднял грязный палец. – Водка бывает только хорошая и очень хорошая. Это второй. А еще говорят, что нет некрасивых женщин, бывает лишь мало выпито.

Ворона вяло кивал, слушая, как Мясо зашелся визгловатым смешком. Эти шуточки он от него слышал еще до осуждения, но не перебивать же нужного человека, выказывая неуважение, чего Мясо не любит. Раз пришел к нему просителем по своему делу – терпи так называемый юмор.

– Теперь квартиры призывают молодежи давать, – философствовал Мясо, закуривая беломорину. – А на кой ляд они им, квартиры? Семья, говорят, ячейка... Дурь это! Нонешние в семнадцать сошлись, а в восемнадцать уже задница об задницу стукнулись и разбежались в разные стороны. А жилью кому? Его раньше люди годами ждали, маялись, а молодые опять кто с кем сошлись и заново будут жилья истребовать?

– Дело у меня к тебе, – решившись прервать монолог собутыльника, кашлянул Гришка.

– Дело? – покосился на него Мясо. – Какое? Хочешь быстро разбогатеть?

– Не совсем, – разливая остатки водки, криво усмехнулся Ворона. – Разбогатеть и не работать мне, конечно, никак бы не помешало, но я о другом. Знаешь, где я отдохнул пару лет? А теперь опять горбатиться не желаю, да и какую копейку зашибешь на заводике? На бутылку не зарабатываешь.

– Это если пьешь каждый день, – уточнил Мясо. – А ты пей с перерывами или по праздникам.

– Советчик, – сплюнул Гришка, ругнувшись для связки слов. – Лучше бы помог здесь ближе к денежкам пристроиться. Помощник тебе не нужен?

– Не возьмут. – Мясо погрузнел, глядя на пустую бутылку.

– Почему не возьмут? – удивился Ворона. – Горлышко целое.

– Я про тебя говорю. – Событьник посмотрел на Гришку с жалостью. Можно было бы, конечно, прокомпостировать мозги Вороне и пообещать переговорить насчет него, выжав еще одну бутылочку, но Мясо считал себя честным человеком.

– Чего так? – помрачнел Анашкин: и здесь срывается, рушится мечта, пропадает и уносится вместе с ветром ощущение близкой удачи.

– Изменилось многое, – вздохнул Мясо, меланхолично ковыряя в носу. – Раньше каждый за себя был, а теперь кто-то силу взял. Понимаешь, я сам тут всю жизнь провел. Помню, объявился у касс совсем зелененьким, ничего не знал и не умел. Просто поглазеть захотелось. А потом мне один деятель билет дал. Я тогда и значения этому не придал – играют люди, выигрывают, проигрывают, а мне-то что? Да на мой билетик выигрыш выпал, в пятьсот рублей. Они-то и сгубили, пошло-поехало. То круто брал куш, то спускал все до нитки, а после и дальше пошло – наездников подкупал, с кассирами шуры-муры заводил, с букмекерами свел знакомство. Сейчас знаю: тут свои силы, а они не хотят известности. Понял? Сюда из Питера, из Киева, из Харькова, из других городов едут играть и проигрывать. Деньги рекой текут, а я выпиваю сильно, шестеркой держат, на жизнь дают, и ладно, я на большее уже не зарюсь. Но те люди, что в силе, свой интерес жестоко блюдут и чужого не подпустят. Не смогу я тебе ничем помочь, изменилось все, извини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.